

Анатолий Герасимов

*Быль. Небыль.
Возможно
будет*

Воспоминания. Приключения.
Фантастика. Стихи. Эссе.

Анатолий Герасимов

Быль. Небыль. Возможно будет

«Издательские решения»

Герасимов А. М.

Быль. Небыль. Возможно будет / А. М. Герасимов —
«Издательские решения»,

В книге представлены произведения автора различных жанров. Первые три рассказа — это увлекательнейшее автобиографически-приключенческое повествование, охватывающее период с 1941 по 1987 годы. Следующие четыре — мистический, научно-фантастические и фэнтези. Философское эссе является концепцией автора о сущности разума человека, коллективного видового, планетарного и вселенского разума, вероятности самоуничтожения коллективного разума человечества.

Содержание

Мальчишка из Советского Союза	6
Обыкновенный остров1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Быль. Небыль. Возможно будет
Воспоминания. Приключения.
Фантастика. Стихи. Эссе.
Анатолий Макарович Герасимов**

© Анатолий Макарович Герасимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мальчишка из Советского Союза (Автобиографические заметки)

Зачем я пишу все это

Прежде всего, я обращаюсь к своим внукам и правнукам. Дорогие мои, написать эти заметки из своей биографии меня заставили не амбициозность и завышенная самооценка, а желание на примере обычного советского мальчишки показать, как мы жили и проводили свое время, чем увлекались, к чему стремились, кто был нашими героями. Период, в котором это происходило, является самым глубинным, а потому наиболее характерным периодом развития Советского Союза, ибо он наступил через 24 года после революции, длился 22 года и закончился за 28 лет, до крушения СССР.

Сейчас идет 2007 год. Прошло уже 15 лет после этой трагедии, но до сих пор не умолкает, а усиливается поток словесной грязи и лжи, изливаемой на советское время. Наемные «историки» из всех сил стараются накопать материалы, развенчивающие народных героев той эпохи, или умаляющие и размывающие их подвиги. Послушаешь некоторых «доброхотов» и представляешь, как по улицам городов толпами, под надзором НКВД, ходили люди с красными флагами и выкрикивали здравицы в адрес КПСС. Другая часть населения в это время томилась за колючей проволокой в концлагерях. Детей принудительно заставляли вступать в пионеры и комсомол, где их зомбировали на предмет служения партии. Рабочие и служащие того периода были, конечно, рабами тоталитарного режима без права выбора, получающие нищенскую зарплату и скрытно мечтающие о райской жизни за рубежом.

Поэтому я хочу, что бы вы, как говорится, из первых рук, получили достоверную информацию о нашей жизни в то время. Я не буду описывать всю свою биографию, а закончу заметки на времени окончания института, что бы вы могли сравнить возможности детей, подростков и юношей того и настоящего периода. Отдельные моменты моей жизни отражены в стихах, рассказах и повестях.

Заранее предупреждаю, что в заметках не будет ни политики, ни примеров «великих свершений страны», ни сравнения идеологий. Кроме того, дорогие мои потомки, я постараюсь разнообразить их вкраплениями о некоторых моментах жизни ваших «предков», которые будут интересны для вас.

Итак, я приглашаю отправиться в заснеженную, оцетинившуюся зенитками и противотанковыми ежами Москву 1941 года.

1941 – 1947 гг.

Малая Бронная. Бомбежки. Родители. Игрушки. Смерть лейтенанта Мячина. Конец войны.

Жили мы тогда в многоэтажном доме на Малой Бронной. Отец, мама и я занимали одну комнату большой пяти-комнатной квартиры с высоким лепным потолком и эркерным окном. Широкий полупустой коридор вел в просторную кухню, заставленную столиками с керосинками и керогазами, на которых готовили пищу. Большая ванная комната была сплошь завешана корытами и тазами. В туалете сливной бачок располагался высоко под потолком, он вечно подтекал и с шумом опорожнялся. В квартире жили еще четыре семьи, включая двух моих сверстников, Томару и Витьку.

В это время я был еще маленький, всего три года, но кое-что из военной поры помню.

В сорок первом немцы часто бомбили Москву. Во время воздушных тревог приходилось спешно идти прятаться на станцию метро «Маяковская». Других бомбоубежищ поблизости

еще не построили. А это довольно далеко и неудобно, особенно зимой, да еще ночью, когда меня приходилось одевать в теплую одежду и, подчас, нести на руках. Только успевали вернуться домой после отбоя, как вновь тревога. И бывало так по несколько раз за ночь. Наконец, моим родителям это надоело, и мы оставались во время тревоги дома.

Мой отец, Макар Петрович, был инженером по образованию, но работа его во время войны была нам с мамой непонятна. На фронт он не ушел, но довольно часто появлялся дома в самое неожиданное время. Ходил он в длинном кожаном пальто. Под пальто носил гимнастерку без знаков различия. На ремне с португеей висела кобура пистолета. Однажды, после моего настойчивого приставания, он дал мне поиграть с оружием, конечно, предварительно разрядив его. Сил взвести курок у меня не хватало, и он помог это сделать. Любопытство меня сильно подвело. Я сунул нос туда, куда не надо и случайно нажал спусковой крючок. Курок так сильно щелкнул мне по носу, что едва не пробил его. Боль была невыносимая, как и мои крики. Когда я вспоминаю своего отца, вижу его высокого сильного, в кожаном пальто, издающим резкий специфический запах, и пистолетом.

Лишь через некоторое время мы узнали, что отец входил в состав одной из летучих диверсионных групп, которых забрасывали в тыл к немцам для выполнения специальных заданий.

Мама, Марианна Григорьевна, в это время работала в наркомате боеприпасов, находившимся на улице Кирова в помещениях Наркомхимпрома. Каждое утро мама заводила меня в ясли-сад, в соседнем переулке. Там было всегда весело и шумно, а во время налетов нас организовано вели в настоящее бомбоубежище.

Отец часто и подолгу отсутствовал, и иногда к нам домой заходила тетя Мария – мамина приятельница по работе – большущая тетка с веснущатым лицом и ярко рыжими волосами. Она была очень шумная и курила одну папиросу за другой. Мне она, почему-то, не нравилась. Они заводили патефон и с грустью слушали музыку своей молодости, а так же уже появившиеся в продаже песни военных лет. Четко запомнились «Вставай, страна огромная», «Синий платочек», «Землянка» и многие другие. Иногда они вдвоем танцевали, а тетя Мария крутила меня в вальсе, как собачонку, вокруг себя.

Немцы стояли под Москвой. Большинство государственных учреждений были эвакуированы. Настал черед наркомата боеприпасов. Отец должен был остаться, а мы с мамой и наркоматом уехать в Куйбышев. Собрав кое-какие вещи, мы поехали к месту общего сбора на одну из подмосковных станций. И тут я сильно заболел. До этого просто куксился, а здесь поднялась температура до сорока градусов, меня сотрясал озноб. Нас с мамой сняли с отъезжающего поезда, и мы вернулись в Москву. В здании наркомата оставалась небольшая группа сотрудников, и мама вернулась на работу, а я очень медленно и с большим трудом выкарабкивался из болезни.

Немцев вскоре разбили под Москвой, и в городе стало спокойней. Однако, налеты их авиации, хотя и в значительной мере ослабленные, все же продолжались. Фрицы буквально засыпали город небольшими зажигательными бомбами – мы их называли «зажигалки», поэтому ночами, когда они обычно прилетали, жильцы дежурили на крышах своих домов и стаскивали бомбы вниз. На мостовой такая «зажигалка» злобно шипела, разбрасывала вокруг себя снопы огненных искр и, нехотя, затихала, засунутая в песок железными щипцами.

В 1942 году после тяжелого ранения отца комиссовали и он стал работать в одной из строительных организаций.

С этого времени он начал пить. Маме это, конечно, не нравилось и они постоянно ругались. Были случаи, когда после такого скандала она забирала меня и ехала к своей маме (моей бабушке) Анне Михайловне в Лихоборы. Там мы и ютились вместе в одной комнате некоторое время, пока не утихала мамина обида.

Комната бабушки была маленькая, очень чистенькая и уютная, как и она сама. Учительница русского языка, заслуженный учитель РСФСР имела за своей спиной тяжелую жизнь. Происхождением из дворянского рода Войтовых, в раннем детстве она потеряла отца и мать. Отец умер от тифа, а мать от туберкулеза. Ее и сестру, оставшихся сиротами, поместили в приют для дворянских детей. Затем она окончила гимназию и, получив звание учительницы, уехала преподавать в село Средний Карачан Воронежской губернии. Там вышла замуж за моего деда Григория Мячина, который, отсидев несколько месяцев в Бутырской тюрьме за распространение политической литературы, был сослан в эти края на поселение и под надзор полиции. Дед был фельдшер, но заведовал небольшой больницей на краю села, где они и проживали. Ко времени революции 1917 года в их семье было уже четверо детей, два мальчика – Толя и Женя, и две девочки – Алла и Марианна (моя мама). Страшное тогда было время. Началась гражданская война. Их село попеременно переходило из рук в руки. То «белые» придут, то «красные», то ворвется банда «зеленых», то еще какая ватага лихих людей.

Однажды, когда «красные» в очередной раз покидали село, они попросили деда лучше спрятать их раненого комиссара. Вскоре в село ворвалась одна из банд. Кто-то донес на деда, но сколько бандиты не допытывались, сколько не искали, найти не смогли. Тогда они забрали из конюшни лошадь, а деда зарубили шашкой на глазах семьи.

В то время был сильный голод, работать с грудным ребенком бабушка не могла, а четверых малолетних детей надо было кормить. Спасли односельчане. Деда там очень уважали и любили, поэтому бабушку с детьми кормили «всем миром» по очереди. Выделили ей земельный надел, который она сдала в аренду, так и выжили.

Оба сына потом окончили военные училища и ушли на фронт в первые дни войны. Через два месяца погиб младший – Женя.

Бабушка уже получила от командования «похоронку» на него, была убита горем, и они с мамой сидели на диване, тихонько плакали и утешали друг друга. Побыв неделю-другую у бабушки, мы возвращались на Малую Бронную.

В коридоре квартиры мы, дети устраивали азартные и шумные игры, пока нас не разгоняли по комнатам соседи. Игрушек у меня в детстве было мало. Плюшевый медведь с оторванным ухом, которого я безумно любил, и довольно большая железная машина – полуторка, на которой я его возил. Машину я брал и на Патриарши пруды, где перевозил песок из одной песочницы в другую. Были еще железный совок и формочки для песка, которыми я пек песочные пирожные.

Отчетливо запомнился канун одного нового года. К нему мы с мамой готовились загодя. Фабричных елочных игрушек было мало. Поэтому мы нарезали бумажные ленты, красили их акварелью в разные цвета, делили на полоски, склеивали в кольца, которые крепили друг к другу. Получались гирлянды. Вместо шаров заворачивали в фольгу грецкие орехи и вешали их на елку. Так же поступали и с конфетами. Мандарины были редкостью, и, если удавалось их достать, то они тоже находили почетное место на елке в натуральном виде. Добавляли в конце на елку побольше ваты, и она готова. Как-то раз отец принес к новому году три больших стеклянных шара. Один молочно-белый, светящийся в темноте, другой зеркальный, третий серебристый с углублением по середине, в котором алела красная звезда. Шары очень красиво смотрелись среди зеленых веток и по размерам соответствовали ей – стройной, густой и ростом под потолок. Очередная воздушная тревога была для нас уже рядовым явлением. По ночному небу беспорядочно заметались лучи прожекторов, высвечивая огромные туши аэростатов, пособачьи затыкали зенитки, и мы поспешили задернуть светомаскировочные шторы на окне. Но тут, сквозь привычные звуки налета, донесся вой авиабомбы большого калибра. Он нарастал, приближался, пригибая нас к полу. Казалось, бомба должна непременно врезаться в наш дом. Затем последовала секундная пауза, и тут же раздался мощнейший взрыв. Стекла окна вылетели вместе с наклеенными полосками, зазвенела, разбиваясь, посуда в горке, с улицы

ворвался порыв зимнего воздуха пополам с гарью. Пострадала и елка. Все шары слетели на пол и разлетелись вдребезги. Напуганный, я вылез из-под стола, под которым спрятался, и разревелся. Мама сказала, что я дурачок и хорошо, что сами остались живы. Между тем бомба упала совсем не рядом с нами, а в соседнем квартале. Горе было там.

Шло время. Немцы все дальше драпали от Москвы. Хорошо помню отдельные сводки Совинформбюро. Сначала в них сообщали, что наши войска после тяжелых и кровопролитных боев оставили такой-то населенный пункт. Затем после отступления они стали закрепляться на заранее подготовленных позициях, нанеся противнику тяжелый урон в живой силе и технике. Наконец, перейдя в наступление, начали занимать ранее оставленные села и города. По радио постоянно звучали фамилии наших отличившихся военачальников: Говорова, Толбухина, Конева, Василевского, Тимошенко. Особенно я любил Рокоссовского и внимательно слушал передачи, где звучала его фамилия.

Вскоре нашу семью постиг еще один удар. Вначале бабушке сообщили, что ее старший сын Толя пропал без вести во время оборонительных боев под Севастополем. Только через два года пришла «похоронка», в которой сообщалось о его героической смерти и представлении к высокой правительственной награде посмертно. Значительно позднее от его однополчан мы узнали о последнем месяце жизни и обстоятельствах смерти дяди Толи.

В июле 1942 года наши войска оставили полностью разрушенный Севастополь. За несколько дней до этого взвод, которым командовал лейтенант Мячин был снят с позиций и направлен в помощь крымским партизанам. Скоро о командире этого отряда стали ходить легенды. Очевидцы рассказывали, что однажды небольшая группа партизан, которой он командовал, попала в окружение карателей. Немецкие автоматчики шли по лесу густой сетью полукругом, постепенно сжимая его и вытесняя партизан на широкую шоссеиную дорогу, где их уже ожидали другие автоматчики. Командир остановил группу перед выходом из леса. Все поняли, что впереди их ждала смерть. Но сзади подходила облава. Уже видны были пьяные лица фашистов, которые громко гоготали, что-то выкрикивали и строчили поверх голов наших. Немцы на шоссе о чем-то посоветовались и тут же устроили партизанам огненную стенку из трассирующих пуль, высотой метра в полтора. Одна очередь шла над другой с небольшим интервалом. Они не стреляли в наших, а просто держали эту смертельную стену. Облава подошла уже совсем близко, когда лейтенант Мячин отдал приказ: «Прыгать через стену!». И первый перепрыгнул ее. За ним все остальные. Далее произошло невероятное. Немцы прекратили стрелять и стали аплодировать нашим, крича: «Рус, карашо!». Партизаны скрылись в лесу на другой стороне шоссе без единой потери. Немцы их уже не преследовали.

Но долго провоевать дяде Толе не пришлось. Крымским партизанам приходилось очень туго. С одной стороны каратели, с другой, большое число предателей среди местного населения, особенно крымских татар, большинство из которых ненавидели русских и видели в фашистах своих освободителей. По их наводке, однажды, одно из подразделений партизан в районе села «Морское» около горы Брус было окружено и полностью уничтожено. Среди погибших был и лейтенант Мячин.

Такое горе постигло практически каждую советскую семью. Шли наступательные бои и почтальоны разносили «похоронки» пачками. Даже день Победы 9 мая 1945 года, несмотря на всеобщее ликование, омрачался, обострившимся горем семей, чьи родные не дожили до этого дня и погибли, защищая их и Родину.

1945 – 1948 гг.

Школа. Увлечения. «Патрики». Клуб знаменитых капитанов. Кыштым. «Арзамас-16». Прощай, Малая Бронная.

Война кончилась. Москвичи отмывали окна, убрали противотанковые ежи, восстанавливали разрушенное. В 1946 году я пошел в первый класс. Школа наша находилась на Тверском бульваре напротив памятника Тимирязеву в доме, которого сейчас нет. Новые учебники, пахнувшие типографской краской, тетради в косую линейку и клеточку, деревянная ручка, покрытая ярким желтым лаком, с жестяным наконечником для пера приводили меня в восторг, вызывали чувства значительности и самоуважения. Подстать были новенькие парты с откидывающимися крышками и вмонтированными чернильницами. Блестящая черная доска с бруском белоснежного мела, цветы на окнах и портреты на стенах завершали торжественный облик классной комнаты.

Учеба давалась легко, если бы не уроки чистописания. Я их ненавидел. Нас заставляли писать особыми перьями №86, которые позволяли разной степенью нажатия, регулировать толщину линий. Каждая буква тщательно выписывалась в косой клеточке и все ее элементы были разной толщины. Правильно написанная буква была уже произведением графического искусства. Сейчас об этом давно забыли и первоклашки пишут шариковыми ручками все буквы с одинаковым нажимом. У меня этот процесс шел тяжело. Острое перо все время цеплялось за бумагу, чернила разбрызгивались и грязь получалась несусветная. Поэтому, когда мне еле-еле вытянули тройку в четверти, я был счастлив.

На переменах мы играли на подоконниках в «фантики» и «перышки». После школы шли гурьбой по домам и часто устраивали потасовки, дубася друг друга портфелями. Зная эту нашу традицию, мама иногда ходила встречать меня после школы. Потом она вспоминала, как, увидев, издали кучу-малу из школьников на тротуаре или газоне, разгребала ее, а внизу обязательно обнаруживала меня взъерошенного и потрепанного.

В это время среди мальчишек моего возраста было распространено коллекционирование фантиков от конфет, папиросных коробок, а потом и марок. Я тоже не избежал этого повального увлечения. С марками было сложнее, нужны были деньги. Однако, мы находили выход, снимая марки со старых конвертов, которые выпрашивали у соседей, знакомых или находили в мусорных баках. Среди них попадались и довольно редкие экземпляры. Часть марок все же приходилось покупать или на почте, или в специальных магазинах. Наиболее популярный такой магазин был на Арбате. Возле него, а так же в школе на переменах, мы толклись, обмениваясь марками и хвастаясь своими приобретениями. В особенном почете тогда были треугольные и ромбовидные марки из Тувы.

С фантиками было проще. Но особое место у нас занимало собирание коробок и пачек от сигарет и папирос. Это была настоящая охота со своими правилами и распределением территории на «сферы влияния». У нас с соседским мальчишкой Виктором маршрут был такой. Вначале мы шли от дома по правой стороне Малой Бронной до Садового кольца. Оттуда до Маяковской площади. Далее – по правой стороне улицы Горького до Тверского бульвара. Пройдя вдоль него, возвращались на свою улицу к дому. Круг, тем самым, замыкался. Добычу мы собирали везде, где видели, но большей частью из урн. Среди «Беломоров», «Казбеков», «Дукатов» попадались красивые коробки от дорогих папирос и сигарет – «Друг», «Тройка», «Пальмира Тольятти», «Герцеговина Флор». Они были редки, а потому наиболее ценны. Ну, а далее, как водится, устраивались «презентации» коллекций, торги, обмены, аукционы. Во время таких походов мы не только смотрели на землю или в урны, но и по сторонам, чтобы не нарваться на конкурентов так, как улица Горького была уже не нашей территорией, а другой школы. Нежелательные встречи грозили окончиться потасовкой на месте, а в худшем случае разборкой между школами. Во время маршрутов мы глазели и на витрины. На Садовой и бульваре не было ничего интересного. Зато на улице Горького всегда поражали огромные красочные витрины и обилие продуктов магазина Грузия. По пути заходили мы и в музей революции, куда пускали бесплатно. Останавливались и перед большущими прозрачными стеклами пивной, что располагалась тогда в доме между Большой Бронной и Тверским бульваром, выходя

фасадом на площадь Пушкина. Там за стеклами вокруг мраморных столиков сидели мужчины и пили из больших кружек пенное пиво. На подносах перед ними висели груды красных раков, которые официанты приносили дюжинами. Стоили они тогда копейки. Однажды, среди посетителей я увидел и своего отца, но ничего не сказал об этом маме.

Памятник Пушкину стоял в то время не там, где сейчас, а напротив, через улицу, в начале Тверского бульвара. Летом там было все, как обычно. Зато зимой разворачивали новогоднюю ярмарку. Устанавливалась высокая елка, вокруг которой на цепи ходил на задних лапах огромный механический кот. На площади возникал целый городок из расписных дощатых павильонов, балаганов, шатров. Там продавались елочные и обычные игрушки, сладости, выпечка, книги и прочие приятные вещи. Между павильонами протягивали гирлянды разноцветных лампочек, которые вечером притягивали к себе толпы людей. Звучала музыка. Там мы не только обогащались добычей заветных коробок, но и любовались зрелищем, покупали карамельных петушков на палочке, мороженое и мячики на резинке.

Но самым любимым местом у нас оставались Патриаршие пруды или «Патрики», как мы их называли. Рядом с подъездом нашего дома, находилась, как и сейчас, пробирная палата мер и весов, по-нашему «пробирка». Там мы собирались небольшой группой и, если не шли драться с ребятами с соседней улицы, то направлялись на «Патрики». Летом там была лодочная станция и мы, собрав кое-какую мелочь, брали лодки и катались по пруду. На станции нас знали, вели мы себя тихо, поэтому там закрывали глаза на наш возраст и позволяли кататься даже сверх лимита. Зимой пруд превращался в великолепный каток с вечерней подсветкой. Коньков с ботинками у нас тогда не было. Мы шли на каток в валенках, а уже на месте прикручивали к ним коньки веревками, закрепляли закрутку палочками и катались. Коньки были с закрученными вверх носами и назывались «снегурками». Кататься на них было трудновато – приходилось отталкиваться ото льда не «мыском», а «щечкой», да и лезвия были у них очень толстые. Так что скорости – никакой. Позже у меня появились «гаги», а затем и «норвежки». Но на тот период нас вполне устраивало, что есть, и радости это катание приносило немало.

Однако, постепенно, фантики и коробочки стали отходить на второй план. Я стал запоем читать книги про морские путешествия, сражения, пиратов и капитанов дальнего плавания. В это время в зале им. Чайковского шли театрализованные представления «Клуба знаменитых капитанов». Регулярные передачи этого клуба по радио я слушал, но вот, что бы увидеть любимых персонажи живьем на сцене – это было то, что надо. Мама купила мне абонемент на все спектакли, и я, на зависть всем мальчишкам, видел вблизи и Дика Сэнда, и Тартарена, и Мюнхгаузена, и пирата Флинта. Таким образом, я увлекся театром и вскоре пристрастился к нему. Забегая на три-четыре года вперед, хочу сказать, что за это время, вначале с мамой, а затем и один, я пересмотрел все постановки театра оперетты, многие постановки МХАТа, театра Эстрады и ряда других.

Между тем отношения между моими родителями накалялись все больше и больше. Мы с мамой все чаще и на более длительное время уезжали к бабушке.

В 1947 году по линии НКВД их вдвоем командировали на строительство совершенно секретного объекта в город Кыштым Челябинской области. Меня взяли с собой.

Там на берегу большого черного озера развернулась огромная стройка. По периметру вся территория была огорожена тремя рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками. Внутри деревянные дома для вольнонаемных, начальная школа, магазин и больница. Место, где непосредственно шло строительство, также было отделено колючей проволокой. Там стояли бараки для заключенных, которые строили объект. Этим объектом, как стало известно много позднее, был крупный атомный центр под особым кодовым названием. Сюда часто приезжал Берия, который курировал эту стройку.

Через некоторое время, когда нас уже перевели отсюда, на объекте произошел, по сути, атомный взрыв, значительно мощнее чернобыльского. Были огромные жертвы, а большое черное озеро на десятки лет стало радиоактивным.

Там в Кыштыме я пошел во второй класс. Но не успел проучиться и полгода, как родителей перебросили на строительство другого подобного центра в г. Саров. Сейчас он известен, как «Арзамас-16», а тогда был небольшим поселком в глухом лесу и строили его тоже заключенные. Учебу я продолжил уже на новом месте.

Мои родители работали в зоне, как вольнонаемные инженеры. Отец – в конторе, а мама – на одном из участков с заключенными. Маму они очень уважали за честность, порядочность и простой нрав. Как-то, они сделали ей подарок—резную деревянную шкатулку, инкрустированную ржаной соломкой. Эта красивая вещица долго хранилась у нас в семье, как память, но, как все на свете, в конце концов, состарилась, рассохла и, наконец, куда-то исчезла. Вообще мою маму уважали и любили везде, где бы она ни работала и с кем бы не соприкасалась. Она была очень общительна, любила шумные и большие компании; параллельно основной, всегда вела общественную работу. Причем занималась этим не по принуждению или из корысти, а по складу характера. Жизнь рано заставила ее стать самостоятельной и уметь постоять за себя. После смерти отца, немного повзрослев, она уехала в Гудермес, чтобы не обременять семью. Там она окончила среднюю школу, специальные курсы и стала учительницей младших классов. Вскоре ее приняли в комсомол, избрали в бюро гудермесского райкома комсомола, а затем на оплачиваемую должность председателя районного бюро юных пионеров. В эти годы по линии бюро комсомола ей приходилось ездить по горным аулам Дагестана, создавать коммуны горцев, а иногда и раскулачивать. Это была очень опасная работа. Многих активистов тогда поубивали, но мама избежала такой судьбы. Затем ей дали комсомольскую путевку для поступления в московский рыбвтуз. Сдав экзамены, она была принята. Вместе с однокурсницей они сняли угол в комнате, где уже проживала семья. В углу за ширмой была одна кровать на двоих и тумбочка. Но девушки не унывали. За какие-то два года мама успела побывать на галерках всех театров Москвы, пересмотрела все концерты. В каникулы студентам выдавали бесплатные железнодорожные билеты на третью (багажную) полку в любой уголок страны в обе стороны. Таким образом, она сумела за время учебы побывать на Байкале, в Средней Азии, на Кавказе. В период учебы была возможность подрабатывать, и мама теперь могла помогать семье материально. Может быть, такая судьба и отразилась на ее отношении к людям, к жизни, сделала из нее жизнерадостную неунывающую оптимистку, которая притягивала к себе людей. Да и время было такое. Время энтузиастов, новаторов, покорителей. Много десятилетий спустя, я написал небольшую поэму на 90-летие со дня ее рождения, в которой есть такие слова:

Шла молодость страны и нашей мамы,
Шли вместе, в ногу, не боясь преград.
Шли первыми, зализывая раны,
Не ноя и не требуя наград.

Но вернемся в зону. В отличии от мамы, ее подругу Марию, знакомую нам еще по Малой Бронной, и которая тоже работала здесь, заключенные просто не переваривали. Поэтому через некоторое время они ее попросту проиграли в карты. Об этом стало известно маме. Она успела предупредить подругу и ту немедленно перевели из зоны. Надо сказать, что мы, мальчишки, не боялись эзков. Близко подходили к заграждению и, если не видела охрана, общались с ними. Мы таскали им хлеб, чай, сахар, иногда табак, которые воровали из дома. В ответ они дарили нам самодельные ножи, острые, как бритва, вырезанные из дерева фигурки и игрушки.

Не забуду новый 1948 год, который мы там встретили. Нужна была елка, и мы с отцом, взяв топор, пошли в лес. Отец предложил мне выбрать и я указал на небольшое деревце.

Но он рассмеялся и велел найти большую ель с самой красивой макушкой. После долгих поисков мы нашли одно высоченное дерево с толстым стволом. Отец все же срубил его, отделил трехметровую вершину, и мы потащили ее домой. Елка не входила в комнату по размеру, и с большим сожалением пришлось ее укоротить.

Зато, какой красавицей она выглядела! Темно-зеленая, густая, ровная, без единого изъяна и вся с головы до пят сплошь покрыта золотыми липкими шишками. Такой красавицы я не видел ни до этого, ни, когда-нибудь после. Даже наряжать ее было совестно, и мы попросту набросали на нее немного ваты, вроде, как снег.

Через какое-то время командировка родителей закончилась, надо было возвращаться в Москву. Но за это время отношения между ними испортились окончательно и сразу после приезда они разошлись.

1948 – 1950 гг.

Отчим. Военный городок. Пионерские лагеря. Уличные игры. Боярка. Москва-река. Бесплатный трамвай. Тайное общество «Б-1».

Вскоре мама вышла замуж за офицера-вдовца с двумя дочерьми старше меня возрастом. С младшей – Розой мы подружились, а вот со старшей ни у меня, ни у мамы, как та не старалась, отношения не складывались. Она тосковала о своей умершей матери и ревновала отца к моей. Отчим служил в штабе ПВО. Мы с мамой переехали к ним в коммунальную квартиру. Место называлось «военный городок» и находился он недалеко от Покровско-Стрешнево напротив института, который сейчас носит имя академика Курчатова. Бытовое название «военный» он носил чисто условно, потому что наряду с военнослужащими там жили и «штатские» семьи.

Окна наших двух комнат выходили на великолепный парк. В центре микрорайона была большая спортивная площадка с тремя теннисными кортами, двумя волейбольными и баскетбольными площадками. Зимой здесь заливали каток. За вход на корты или каток брали чисто символическую плату, а играть и кататься можно было без ограничения временем. Для большого тенниса я был еще мал и лето проводил частично в пионерских лагерях, а большую часть сезона на улице. Мама работала в то время в управлении строительства Дворца Советов, и путевки в лагеря им давали бесплатно. Иногда я проводил там по два заезда подряд. В лагере мы купались, загорали, играли в футбол, в военные игры, учились ходить по азимуту с компасом, собирались у пионерских костров. Там я научился неплохо плавать. Возвращался в Москву загоревший, окрепший и сразу бежал к приятелям на улицу. Там пропадали целыми днями до вечера, прибегая домой, чтобы перекусить. На улице мы собирались своими «домовыми» компаниями и без устали во что-нибудь играли. У нас были игры, которые сейчас, в основном, забыты. Это «чижик», «штандер», «круговая лапта», «отмерной козел». Игры были коллективные, подвижные и очень веселые. Играли также в «пряталки» и в «войну». Последнюю игру мы позаимствовали из практики пионерлагерей. Мы разбивались на две группы, человек по десять, пришивали себе на одно плечо бумажный погон синего или красного цвета, расходились в парке, и охота начиналась. Задача была сорвать погон противника. Та группа, которая оставалась без погон, проигрывала. Это было захватывающе интересно. Еще мы устраивали рыцарские сражения «дом на дом». Мастерили себе деревянные мечи, фанерные щиты и гладиаторские бои начинались. Трещали щиты, ломались мечи, битва продолжалась, пока все оружие не приходило в негодность. Возвращались домой с шишками и синяками, но в ожидании следующего сражения.

В моду стали входить самокаты. Заводского изготовления тогда не было, и делали их мы своими руками. На небольшую доску, по ее середине, последовательно крепились два подшипника. Вертикально к ней ременной петлей приделывалась другая доска с палкой-рулем. Становись и катайся.

Однажды я сильно заболел ревматизмом. Врачи испугались осложнения на сердце, и на маминой работе ей выдали бесплатную путевку в детский санаторий «Боярка» под Киевом. Как меня там лечили уже не помню, но время мы проводили отлично. Территория санатория была очень зеленая. Кругом огромные каштаны, которые в то время созревали и роняли нам на головы свои плоды. Мы их собирали и играли в азартную игру. Начертим линию, выкопаем на ней небольшую лунку и каждый участник кладет туда по глянцевого темно-коричневому каштану. Затем, отойдя, метров на пять, по очереди катим по земле каштаны пока, кто-нибудь не закатит свой в лунку. Тогда он забирал весь кон. Так мы расслаивались на «богатых» и «бедных». Бедные вынуждены были искать новые или сбивать камнями с деревьев еще висевшие шишки, что преследовалось воспитателями.

Около столовой раскинулась огромная плантация георгинов. Цветы были высотой с взрослого человека и росли очень густо, сплошной стеной. Внутри висело много паутины, в которой жили здоровенные мохнатые пауки с крестами на спине – «крестовики». Они считались ядовитыми и все ребята их очень боялись. Но все же мы прятались туда, когда нас застукивали за незаконным промыслом каштанов. Воспитатели это место обходили.

В санатории я впервые увидел американский вестерн «Великолепная семерка» и несколько серий «Тарзана». Эффект был потрясающий. Нарушая режим, мы носились по территории парка, оглашая окрестности гортанными криками, лазали по деревьям и палили друг в друга драгоценными каштанами.

И еще там жили два ослика. Они свободно ходили по всей территории, и на них разрешалось ездить верхом. Конечно, осликам это не особенно нравилось и иногда они сбрасывали седока на землю или старались тяпнуть зубами за штанину. Но мы умасливали их разными вкусными вещами и ухитрялись не только медленно и важно передвигаться верхом, но и скакать галопом.

В Москве, кроме уличных игр, у нас были и другие забавы. Основная из них – река. В полукилометре от нашего дома протекала Москва-река. В нашем месте она была довольно широкая и разделялась на два рукава. Один рукав перегораживал шлюз, а на берегу другого раскинулась небольшая деревенька Строгино, где бродили коровы, куры, утки и собаки. Берег реки с нашей стороны представлял собой очень высокий и крутой песчаный обрыв, который почти нависал над рекой, оставляя лишь небольшую полоску «дикого» пляжа. Настоящий пляж с зонтиками и топчанами был на другом берегу, куда ходил паром. Мы, мальчишки, предпочитали свой берег и, кубарем скатываясь с обрыва, сразу бросались в воду.

Я уже хорошо плавал и спокойно переплывал реку туда и обратно без отдыха, застревая иногда на той стороне, и пользуясь всеми благами цивилизованного пляжа бесплатно.

Частенько по реке проходили самоходные баржи, груженные песком. Тогда я и другие ребята, кто хорошо плавал, устремлялись наперерез, пристраивались к борту и залезали на баржу. Раскинувшись на чистейшем влажном песке, мы медленно двигались в сторону «Серебряного бора». Здесь уже каждый сам определял время, когда ему надо было спрыгивать и плыть обратно.

Если мы не плавали и не загорали, то просто бродили по берегу и копались в песке. Еще недавно здесь добывали песок для строек Москвы, поэтому срез обрыва был свежий с ясно обозначенными слоями и отложениями. Мы находили множество камней с четкими отпечатками древних растений и животных. Кое-что по этому поводу я даже прочитал, и мог спокойно отличить отпечаток ископаемого аммонита от другого. Удалось даже собрать хорошую коллекцию окаменевших скелетиков белемнитов или «чертовых пальцев». Когда я держал в руках этих пришельцев из мира, который существовал здесь сто с лишним миллионов лет назад, меня всегда охватывало странное и непередаваемое чувство посвящения в таинственное и вечное.

С этого обрыва было очень удобно наблюдать за воздушным парадом в День авиации, проходившим над Тушинским аэродромом, который был почти рядом. Мы смотрели на выкру-

тасы самолетов и представляли, что недалеко с трибуны им так же машут руками Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный.

С рекой была связана еще одна наша забава. Метрах в ста от нее делал круг трамвая №21. Там на запасном пути загружались песком, добытым в карьерах, платформы грузовых трамваев. Отойдя подальше от остановки, мы на ходу прыгали на подножки этих платформ и прятались в пустом треугольном пространстве, сверху которого был насыпан песок. Теперь можно было, не опасаясь кондукторов и милиции, ехать вплоть до Красной Пресни, куда шли эти трамваи. Так мы частенько и путешествовали, а обратно нас везли такие же, но пустые платформы.

Есть еще один вопрос, о котором мне хотелось бы поведать. Это мои взаимоотношения с девочками в те годы. Кроме сводной сестры Розы, таких отношений у меня практически не было. Играли мы большей частью отдельно, и учился я до десятого класса в мужских школах. Но тут, вдруг, мне показалось, что я влюбился в девочку, которая жила в соседнем доме. Она была черноглазая, гордая, очень воброжалистая и звали ее Стелла. Это имя мне очень нравилось. Тогда я решил организовать тайное общество и назвать его «Б-1». Под буквой «Б» для конспирации было скрыто имя моей пассии. Цифра «1» означала, что она первая и единственная. В общество пригласил вступить самых близких друзей Геру и Валеру. Я объяснил им суть дела и, поскольку, их сердца в то время оставались свободны, они с удовольствием приняли предложение. Мы разработали специальные удостоверения из картона, обтянули их черным бархатом, на который пришили латунный символ. Внутри указывалась фамилия и имя владельца, а так же обязательный устав из пяти пунктов: 1. Не пить; 2. Не курить; 3. Не ругаться; 4. Не обижать девочек; 5. Помогать родителям.

Слова устава были и словами клятвы, которую мы торжественно произнесли при зажженной свече на первой тайной встрече.

После этого мы почувствовали себя на голову выше сверстников и, спаянные страшной клятвой, несколько обособились от них. Теперь мы каждую неделю собирались у меня дома на тайной явке и поочередно отчитывались о проведенном времени, особенно о выполнении всех пунктов клятвы. Но этим дело не ограничивалось. Во все сражения на мечах и в стычки «синих» с «красными» мы шли под девизом и, прославляя секретное имя, вламывались в сражения с криком: «За Б-1!». Все попытки ребят узнать, что скрывается за этой фразой, ни к чему не привели. Но самое забавное в этой истории заключается в том, что с этой девочкой я даже не был знаком, а восторгался, почитал и прославлял ее на расстоянии.

1951 – 1953 гг.

Стадион «Динамо». Дом пионеров. Учеба в школе. Крым, Судак. Набеги на сады. Ливадия. Ялта. Катки.

В ту пору мы, мальчишки, повально увлекались хоккеем и футболом. В хоккей мы играли зимой, где придется, часто даже на обледенелой мостовой. Обозначим камнями или льдинами ворота и гоняем шайбу, когда на коньках, а когда и просто в валенках. Летом венцом всех игр был, конечно, футбол. Играли до изнеможения. Вначале я, как большинство мальчишек, любил быть вратарем. Затем нашел свое место и играл правым полусредним нападающим. Репортажи с матчей, которые вел Синявский, сметали с улиц всех пацанов. Футболисты Хомич, Старостин, Бобров, Бесков, Семичастный и другие были так же знамениты и любимы, как полководцы времен войны. «Болели» тогда в основном за Динамо, ЦДКА, Спартак, Торпедо. Крылья Советов. Фаворитами были три первые команды. «Болели» шумно, страстно, но цивилизованно. Психопатов и футбольной шпаны не было, да и быть не могло. Судей не подкупали. Игроков из команды в команду не переманивали, а растили и воспитывали сами. О «договорных» матчах тогда даже понятия не имели. Я «болел» за московское «Динамо» и, по возмож-

ности, ходил на все матчи, когда оно играло. На центральные матчи достать в кассе билеты было трудно, но с рук можно, причем по цене номинала, без спекуляции. Если я не мог купить билет заранее, то приезжал к стадиону «Динамо» в надежде на это. В такие дни трамваи и троллейбусы шли к стадиону битком набитые. В метро также давка, да мы в нем и не ездили, сэкономили на билетах. И все же мы с приятелем ухитрились проехать на подножках, а то и на «буфере» трамвая или троллейбуса. Если билетов достать не удавалось, то мы все равно проникали на стадион, вначале перелезая через высоченный, сделанный из толстых, длинных прутьев забор, а затем, уже на арену, пролезая между ног, проходящих через контроль зрителей. Если нас отлавливали, мы повторяли попытку через другой проход или на другую трибуну. Иногда нам вполне комфортабельно удавалось попасть на стадион через служебные лестницы или через внутренние помещения комплекса, где занимались гимнасты, боксеры и другие спортсмены.

Но вот мы попадали на футбольную арену. Это было необыкновенное чувство. Как будто, сразу оказываешься в другом мире. Здесь был особый шум, особый запах, особый единый настрой зрителей. Внизу зеленело пока пустое поле. Над трибуной висело огромное деревянное табло с названиями играющих команд и вращающимися кругами со счетом, которые в то время переворачивали руками. На них пока счет: «0» – «0». Мы ищем место и пристраиваемся, где удастся. Команды выходят на поле. Игра начинается. Как же мы кричали и радовались, когда поворачивался круг со счетом «Динамо». Казалось, что это предел счастья. И как мы свистели и орали: «Судью – на мыло», когда поворачивался другой круг. Только вот ни драк, ни метание предметов на поле, ни другого хулиганства я, что-то не припомню. Команды не зарабатывали деньги, а именно играли, как мы, дети, азартно и самозабвенно.

Среди всех этих развлечений я не забыл свою давнюю страсть к морю, путешествиям, капитанам. В центре Москвы на улице Кирова находился центральный Дом пионеров. Там была большая игротека и масса кружков. Одним из них был кружок «Юных моряков», куда я и поступил. Мы занимались раз в неделю и изучали историю морских сражений, типы кораблей, азбуку Морзе, морскую сигнализацию флажками и семафором и прочие премудрости. После занятий я задерживался, иногда на долго, в игротеке, где можно было вдоволь наиграться в большие настольные игры, а некоторые даже взять на дом. Было и еще одно «хобби», которое не обошло меня стороной. В пионерлагере я научился играть в шахматы и теперь увлекался все больше и больше. Дошло до того, что я стал заниматься в юношеском шахматном клубе, который работал в парке культуры им. Горького.

Со стороны может показаться странным мое метание по секциям, клубам и кружкам. Но ничего необычного в этом не было. Мне было интересно поближе познать предмет, который меня увлекал в тот период. К мастерству и совершенству я не стремился поэтому, достигнув определенного уровня и успехов, я терял к нему острый интерес и переключался на другое дело. Однако, никогда не терял полученных основ знаний и навыков, что во многом помогало мне в последующей жизни. Важнейшее значение имела и полная общедоступность таких занятий. Все эти секции, кружки, клубы, спортивные бассейны, катки, площадки и прочее были бесплатны.

Сменив по разным причинам еще две школы, в 6 класс я пошел уже в новую. Учеба мне давалась легко. Особенно я любил историю, географию, литературу. Не любил «русский язык» за мудреные правила орфографии и пунктуации. Однажды я написал сочинение, после которого маму вызвали в школу. Учительница с сожалением показала ей мое «творение», в котором я принципиально не поставил ни одного знака препинания. Но, в целом, твердая тройка по этому предмету у меня была. Плоховато было с отметками по поведению и прилежанию. Не то, что бы я был хулиганом, просто темперамент не позволял мне долго усидеть на одном месте, да еще и сосредоточившись. А по прилежанию у меня никогда не было пятерок..

Занимался я и общественной работой. В третьем классе вступил в пионеры. Затем постепенно рос в званиях. Вначале стал звеньевым, затем председателем совета отряда и дорос до председателя совета дружины школы. Но ненадолго. Мое поведение, как я уже писал, не служило примером для подражания, и пришлось вскоре покинуть этот высокий пост. Но я продолжал активно сотрудничать во всех школьных стенгазетах, и долго был пионервожатым в младших классах. Моя общественная работа не могла не радовать маму, считавшую ее необходимой. В остальном мама, как и отчим, мной практически не руководили, предоставив полную свободу в принятии решений, их воплощении и поездках. После детского сада, меня никто, никогда, никуда не водил за руку. Кружки и секции я находил сам и ездил туда один без сопровождения взрослых. Отсутствие постоянной опеки и излишнего контроля с детства приучило меня к поиску и самостоятельному принятию решений по всем вопросам, а так же к ответственности за это. Я всегда буду благодарен своей маме за такое воспитание.

Летом, подкопив денег, мои родители купили полдома в поселке Судак в Крыму. Об этом настойчиво просила бабушка. Дело в том, что в Судаке жила женщина, которая воевала с дядей Толей в партизанах. Местные пионеры – поисковики разыскали братскую могилу, где были захоронены десять человек убитых партизан, среди которых был сын бабушки. Из Крыма пришло письмо, что вскоре должно было состояться торжественное перезахоронение останков погибших с установкой мемориала. Бабушка хотела быть чаще поближе к могиле сына. Вот эта знакомая и подобрала нам недорогой вариант покупки.

Эта «недвижимость» со стенами, сложенными из самана, состояла из двух небольших комнат под общей крышей с сараем-кухней и веранды. Был еще небольшой участок земли в одну сотку, который мы огородили и засадили. В нем нашли место персики, слива, виноград, шелковица и много роз. Мама, бабушка и мы с Розой стали жить теперь в Судаке все лето, а отчим находился почти все время в длительных командировках. Жилье наше было в самом центре поселка, почти за километр от моря. Здесь я впервые увидел и купался в море. Песчано-галечный пляж шел вдоль берега широкого залива, с одной стороны которого на недоступной скале возвышались руины генуэзской крепости, времен Римской империи, с другой ее замыкала величественная скала «Алчак».

Модным курортом Судак стал позже, а тогда население в нем было небольшое, на побережье всего две здравницы – санаторий министерства обороны и дом отдыха ВЦСПС. Поэтому даже в разгар сезона километровый пляж был полупустой. Купающиеся группировались вокруг небольшого «лечебного» пляжа с навесом и топчанами, да около лодочной станции дома отдыха, где тоже были топчаны и зонтики.

Дно моря уже через несколько метров начинало плавно, но неуклонно опускаться вниз. У буйков, метрах в пятидесяти от берега глубина уже доходила до 8—10 метров. Вода была чистейшая и абсолютно прозрачная. Поэтому я сразу же стал сутками пропадать на море с ластами и маской.

Если перевалить через Алчак, то там открывается долина, в которой уютно расположился виноградарский совхоз. Длинные аллеи, ведущие к нему, по бокам были засажены большими миндальными деревьями, и мы с Розой ходили туда собирать миндальные орехи. Недалеко от поселка у подножья, покрытой лесом, горы непроходимой стеной шли заросли кизила, ягоды которого мы носили бабушке для варенья. При въезде в Судак с правой стороны дороги раскинулся персиковый сад, а рядом с поселком – виноградники. Фрукты в Судаке стоили на рынке очень дешево, но покупать их, как это делала мама, было не интересно, другое дело – добыть. Поэтому я в компании с двумя приятелями иногда делал набеги на сады. Не с целью промысла, а так, для интереса. Никаких сумок или корзинок мы с собой не брали, и складывали добычу прямо под рубашку, сколько влезет. С виноградом дело обстояло просто. Как стемнеет, перелезали через проволоку и сразу исчезали между шпалерами винограда. Выращивали там в основном столовый сорт «Чауш». Он растет огромными кистями по 2 – 3 килограмма весом. Ягоды

крупные и в меру сладкие. Сорвем две-три такие кисти, и больше под рубашку не помещается. Набег кончался быстро и без неприятностей..

Другое дело персики. Сад начинался метров за пятьдесят от дороги. Деревья росли довольно далеко друг от друга, и весь он хорошо просматривался. Охранял его сторож с ружьем. Зато, какие там были персики! Огромные, сладкие, пальцы в них так и проваливались. А уж сочные и ароматные, не передать. В продаже таких не было. И вот мы в безлунную ночь или, когда облачко закроет луну, стремглав пересекали свободное пространство и залегали под деревьями. Осмотревшись и дождавшись очередной тучки, мы совершали акт хищения совхозной собственности в не особенно крупных размерах, и с такими же мерами предосторожности, придерживая двумя руками разбухшие рубашки, возвращались назад.

Однако, любопытство гнало меня все дальше от Судака и как-то я предложил двум приятелям посмотреть, что из себя представляет Ялта. Выпросив у родителей деньги на билеты, мы решили плыть катером, который ходил между Судаком и Ливадией. Там надо было пересаживаться на другой катер. Делать было нечего, и мы поплыли. В Ливадию катер прибыл, когда ушел уже последний до Ялты. Смеркалось, и мы решили заночевать в ливадийском парке, благо ночь была очень теплая. Пока не совсем стемнело, надо было посмотреть парк и подыскать подходящее место. Мы знали, что этот парк был уникален. Скорее это был дендрарий, где собраны вместе самые разнообразные, даже уникальные представители флоры субтропиков. Кроме того, где-то недалеко находилась дача Сталина, где проходила знаменитая Ялтинская конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Идем, смотрим. Темнеет все больше и быстрее, а парк огромный. Вдруг, из-за деревьев с двух сторон возникли и окружили нас четверо мужчин в костюмах и при галстуках. Пришлось долго объяснять, кто мы, откуда, куда путь держим и как здесь оказались. В итоге они нас отпустили с миром, но препроводили до самой пристани и наказали больше в парке не появляться. Шел 1952 год, и резиденция Сталина была действующей. Проспав ночь под окошком кассы в пустом зале ожидания, утренним катером мы отправились в Ялту. Город мне не понравился, особенно пляжи, где люди лежали почти вплотную друг к другу. Море там было мутное, грязное, в полосе прибоя виднелись отходы из канализации, которые выбрасывались из трубы прямо в море и прибывались к берегу. Полностью разочарованные знаменитым городом-курортом мы вернулись в благословенный Судак.

Зимой мне и Розе купили коньки-норвежки и мы часто ездили на каток в парк имени Горького. Вход там был бесплатный, и имелась теплая раздевалка, где можно было переобуться и даже взять на прокат коньки. Все аллеи парка, в том числе набережная, были залиты льдом и ярко освещены гирляндами разноцветных лампочек. Звучала музыка. Там всегда было весело и празднично.

1953 – 1957 гг.

Смерть Сталина. Фехтование. Бальные танцы. Уроки музыки. Фотография. Забавы в квартире.. Авиация. Первый поцелуй. Спецшкола ВВС. Спецшкола немецкого языка. Занятия боксом. Телевидение.

В 1953 году я пошел в седьмой класс. Но до этого Советский Союз потряс страшный удар. В марте умер И.В.Сталин. Для подавляющего большинства страны это было большое горе. Люди искренне плакали и были в растерянности, что же будет дальше? Я обещал не писать о важных событиях в жизни страны, тем более, что об этих днях написано уже много книг и статей. Скажу лишь, что наша семья переживала это потрясение тяжело и болезненно. Я не пошел на его похороны, но мой товарищ был там и вернулся едва живой. Давка была неопишуемая, и много людей тогда погибло. Лет семь до этого мне довелось видеть живого вождя на демонстрации, куда мы ходили вместе с отцом. Тогда он поднял меня на плечо, и я хорошо

рассмотрел лицо Иосифа Виссарионовича и всех, стоящих на трибуне мавзолея. Тот день я запомнил на всю жизнь.

В седьмом классе у меня появились новые увлечения. В Москве прошел иностранный фильм «Три мушкетера». Это была веселая музыкальная комедия, где в роли мушкетеров пришлось выступать трем поварам. Я смотрел этот фильм в кинотеатре «Ударник» несколько раз подряд. Когда кончался один сеанс, то зрители шли к выходу через фойе, где находилась публика, ожидающая начало следующего. Я смешивался с ней и смотрел фильм повторно. И так несколько раз, пока хватило сил. После этого фильма я «заболел» фехтованием. Поступил в секцию на стадионе «Динамо», выбрав рапиру, и стал регулярно, а главное, самозабвенно заниматься. Тренером у нас была женщина средних лет, грубоватого мужского склада характера. Она больно била рапирой по ногам и рукам за малейшие отклонения от правильной стойки или неудачном выпаде. Но здесь мое прилежание, в отличие от школьного, было на высоте и уже через два-три месяца я, выступал в бою «султанчиков», на сцене Колонного зала Дома союзов в большом концерте, посвященном какой-то важной дате. Это было показательное выступление нашей секции.

Спустя несколько месяцев, я получил второй спортивный разряд, а затем, так же быстро, как загорелся, остыл к этому виду спорта и переключился на бальные танцы. В школе был организован такой кружок и я, рассудив, что человек, владеющий рапирой, должен уметь также танцевать, поступил в него. Почти все годы моего учения в школе я учился отдельно от девочек и даже никогда не держал, какую-либо из них за руку, поэтому поначалу страшно стеснялся. На первом занятии нас поставили в пары, причем партнерш мы не выбирали. Высокая художочная девица царственным жестом подала мне бледную руку и, при этом, так взглянула мне в глаза, что я понял – она стесняется меня гораздо больше, чем я ее. Постепенно мы освоились, привыкли друг к другу и вскоре лихо отплясывали краковяк. Теперь большую часть моего вечернего времени заполняли вальсы, падеграсы, падекатры, танго, даже фокстроты. Во сне меня преследовали команды стать в первую позицию..., во вторую..., обхватить партнершу за талию и... не опускать руку ниже и прочее.

Параллельно танцам, я стал заниматься художественной фотографией. У меня была неплохая зеркальная камера «Зенит». Готовые проявители и закрепители я никогда не покупал, а приобретал необходимые химические реактивы и, смешивая их по особым рецептам, получал нужное. Снимал пейзажи, портреты. Работал с освещением. Проявлял пленки и печатал снимки всегда сам. Сейчас, к сожалению, молодежь лишила себя этого удовольствия. Цифровые камеры, сервисная печать дают, хотя и четкие, но холодные и бездушные снимки. Сходите когда-нибудь на выставку художественной фотографии и убедитесь сами.

Вскоре мое сложное положение со временем еще усугубилось. Мама безоговорочно решила обучать меня и Розу музыке. Это было первое и последнее принуждение с ее стороны. В комиссионном магазине нам купили немецкий аккордеон и наняли учителя музыки. Забавное заключалось в том, что тот оказался преподавателем по классу фортепьяно и совершенно не умел играть на аккордеоне. Но методику преподавания он знал, и, худо-бедно, через год мы с сестрой уже наяривали десятка два песен и пьес. Потом мы, конечно, восстали, мама сдалась, и наши мучения на этом закончились.

За это время мы успели переехать в другую квартиру соседнего дома, где комнаты были больше и уже подведен магистральный газ. В квартире жили еще две семьи, в каждой из которых по девочке одного со мной возраста. Вечерами стало еще веселее. Приходили друзья, мы собирались в одной комнате и устраивали показ театра теней из, вырезанных своими руками фигур, или растягивали на стене простыню и смотрели через фильмоскоп диафильмы. Они продавались тогда в каждом газетном киоске, но особенно богатый выбор был в специальном магазине в Столешниковом переулке.

Как-то всем классом нас повели на экскурсию в центральный аэроклуб имени Чкалова. Экспонаты настолько сильно подействовали на меня, что я стал буквально бредить авиацией, запоем читал книги о летчиках и самолетах. Не помню, у кого и на что выменял шикарный фотоальбом с глянцевыми фотографиями и техническим описанием всех самолетов времен второй мировой войны. В это время я заканчивал седьмой класс семилетней средней школы. Надо было определяться с местом дальнейшего учения. Случайно узнал, что на Соколе в Чапавском переулке есть спецшкола ВВС. Поехал туда и выяснил, что поступить в нее возможно после окончания седьмого класса. Курсанты учатся там три года по программе средней школы и изучают дополнительно специальные предметы. После окончания получают обычный аттестат зрелости, но направляются в авиационные училища для дальнейшего обучения. Стоит ли говорить, что сразу, получив аттестат за семилетку, я немедленно поехал туда и подал документы.

Вопрос о зачислении должен был решиться лишь в августе и на летние месяцы мы, как всегда, поехали в Судак, где меня ждало еще одно увлечение, но на этот раз противоположным полом. Она была местная и считалась самой красивой девушкой в поселке. И это было правдой. В свои пятнадцать лет Света выглядела вполне оформившейся, отлично знала себе цену и за ней ухлестывала вся молодежь Судака. Однако, как не странно, она ответила мне взаимностью. Местные ребята ревновали и неоднократно хотели меня отлупить. Но у меня тоже была своя компания. Потом мы, как-то сблизились с ними, даже подружили и, намеченные санкции, отпали. Первый раз в жизни я поцеловал девушку, то есть ее, в парке санатория министерства обороны. После танцев на танцверанде санатория мы нашли незанятую лавочку и устроились на ней. Стояла душная крымская ночь, пропитанная запахами моря, лаванды и роз, надрывались цикады. Я хотел ее поцеловать, и она это чувствовала, потому что молча показала пальцем на освещенное окно спального корпуса, в котором виднелся темный силуэт головы человека, наверняка смотревшего в нашу сторону. Я решил подождать. Шло время, но голова не исчезала. Наконец, когда терпение было почти исчерпано, и я уже решил переместиться в другое место, в окне зажегся дополнительный свет настольной лампы и мы ясно увидели арбуз, невинно расположившийся на подоконнике. Отхохотавшись, я бросился в атаку, но промахнулся и мой поцелуй пришелся в промежуток между ее носом и губами. Я был посрамлен, и повторить попытку уже не решился. Следующий раз я поцеловал девушку четыре года спустя более опытным поцелуем, и она стала моей женой.

Едва дождавшись августа, я вылетел в Москву. В спецшколу я был принят. Помню волнение, с которым получал курсантскую форму – китель, брюки, ремень, шинель, фуражку, шапку и ботинки. На плечах голубые курсантские погоны с авиационными «птичками». Темно-синие брюки с голубой полоской. Эмблема на голубом околыше фуражки и на шапке. Нашу роту, одетых по форме, новичков построили в актовом зале, поздравили, объявили, что попечителем школы является сам Василий Сталин, и мы принесли воинскую присягу.

Начались занятия. Помимо обычных предметов школьной программы, мы изучали воинские уставы, типы самолетов и оружия, ходили на стрельбища и в тир, занимались строевой и особой физической подготовкой, куда входили тренировки на специальных тренажерах.

Летом на два месяца мы уехали в военный лагерь, где теоретические занятия перемежались с маршировкой, марш-бросками, стрельбами, смотрами, спортивными соревнованиями, ночными бдениями в караулах и почетной вахтой у знамени школы. Но были и издержки. Каждое утро после подъема начиналось с тщательной заправки коек, чистки до блеска пуговиц и пряжки ремня, подшивки нового белоснежного подворотничка на гимнастерку и глажки брюк. Приходилось получать и наряды вне очереди, чистить картошку, убирать территорию, мыть полы и даже сидеть на гауптвахте. И все же прекрасное это было время!

На втором курсе мы были уже матерыми «спецами». Кто мог, шил себе китель и брюки из дорогого офицерского материала. Для форса мы вкладывали в фуражку упругую прово-

локу, и ее тулья поднималась вверх, совсем как у современных офицеров. В увольнениях прикрепляли к фуражками, не разрешенные пока для нас, «крабы». Мы считали летчиков особой кастой и свысока поглядывали на суворовцев. Они знали это и платили враждой.

Иногда в школе проводились вечера бальных танцев. Девочек приглашали наши командиры из соседних «женских» школ. Они приходили в школьной форме – коричневых платьях и белых передниках. С нашей формой это неплохо сочеталось, и балы были довольно красочными, как в кино у кадетов с гимназистками.

На третьем курсе, или в десятом классе, мы должны были изучать материальную часть самолетов, летать с инструкторами на легкомоторных самолетах и самостоятельно на планерах, прыгать с парашютом. Но до этого счастья дело не дошло. Через два года нашей учебы грянуло сокращение вооруженных сил СССР. Под него попали миллион двести тысяч военнослужащих, в том числе все спецшколы ВВС и большинство суворовских училищ. Нашу школу переименовали в спецшколу немецкого языка, сняли с нас погоны, оставили тех же учителей по общим предметам и добавили девочек в передниках. Так рухнула моя летная карьера, не успев начаться.

Надо было отходить от разочарования и, куда-то направить свой интерес. Тогда я записался в «клуб туриста». Я думал, что походы и ночевки у костра хоть как-то развеют меня. Но, совершив несколько длительных экскурсий по памятным местам Подмосковья, я понял, что это не для меня и поступил во «взрослую» секцию конькобежного спорта на стадионе Юных пионеров. В этом мне составил компанию мой друг Валерка. Прозанимался я там тоже недолго, около полугода, и бросил, когда он обошел меня на 500-метровой дистанции. И все же, чем-то надо было заниматься. Тогда я поступил в секцию бокса на стадионе «Динамо». Благо там было все знакомо еще по футбольным матчам. Вначале я думал, что, наконец-то, увлекся всерьез. И тут к нам пожаловал режиссер с телевидения Марк Орлов. Он посмотрел наши тренировки, выбрал меня и предложил выступить на телевидении в небольшом эпизоде. Я должен был изображать этакого самоуверенного парня с улицы, который пришел поступать в секцию. Он демонстрирует тренеру свои мышцы, снисходительно смотрит на юных спортсменов, в общем, ведет себя несколько нагло. Эпизод должен был идти без слов, и мне всем своим видом надо показать, что со своей силой я могу положить этих юнцов хоть сейчас. Сила есть – ума не надо. Мне эту возможность немедленно предоставляют. Одеваю перчатки. Соперник на голову ниже меня и перед боем я снисходительно похлопываю его по плечу. По знаку рефери я бросаюсь в атаку, размахивая кулаками, открываюсь, и тут же получаю сокрушительный удар в челюсть. Я на полу, растерян, посрамлен. Вот и весь поучительный эпизод.

Я согласился. Так я впервые попал на Шаболовку, 38, где тогда находился телецентр. Все передачи шли тогда в прямом эфире без записи. Прорепетировав пару раз в павильоне, где был смонтирован ринг, я счел себя готовым.

Передача началась. По знаку режиссера я вошел в павильон и вначале растерялся от неожиданно резкого света юпитеров, но тут же взял себя в руки и автоматически отработал эпизод. Все прошло удачно. Перед прощанием я сказал Орлову, что начинаю подумывать над поступлением в театральное училище. Он одобрил мои намерения, но предупредил, что занятия боксом придется бросить, чтобы сберечь лицо, возможно, и мозги.

Я запомнил его слова, а один неприятный случай вскоре помог окончанию моей боксерской карьеры. Дело в том, что я начал понемногу покуривать, что категорически запрещалось тренером. Приходилось делать это в туалете, тайно. Однажды после тренировки я принял душ, расслабился и закурил в раздевалке. Натягивая брюки, я поднял голову и увидел над собой злое лицо тренера. Я похолодел. Ужас и стыд объяли меня с такой силой, что я не мог выдать ни слова и даже не думал оправдываться. Тренер тоже молчал и багровел. Наконец, он показал рукой на выход, повернулся и ушел, не сказав ни слова. Больше я в секции не появлялся.

1957 – 1958 гг.

Поездка в Киев. Театральные институты. Стройка. Ресторан «Националь». Школа водолазов. Мотоцикл. Поездка в Курск. Мединститут. Снова телевидение. Моя любовь. «Новый свет». Винные подвалы. Спартакиада.

Закончив десятый класс, я стал размышлять, куда податься дальше. В школе старые преподаватели посоветовали ехать поступать в Киевскую высшую радиолокационную академию. Непосредственно к летной работе она не имела отношения, но все же была связана с авиацией. В конце концов я согласился и, снабженный рекомендательными письмами бывшего моего командования, поехал в Киев. Там меня хорошо приняли, разместили в общежитии и поставили на довольствие. Экзамены я сдал успешно и был принят. Но тут мне стало известно, что первые два года надо будет ходить, стриженным наголо. Откровенно говоря, я и так уже стал сожалеть, что ввязался в это дело. К точным наукам у меня душа не лежала. Плюс к этому – казарма, муштра, кирзовые сапоги, отсутствие летных ощущений и свободы, да еще и «потеря лица» в дополнение. Это была та спасительная ниточка, за которую я ухватился. Я написал рапорт, забрал документы и вернулся в Москву.

Ни к чему конкретному у меня стремления не было, и мы с приятелем пошли на Кузнецкий мост в приемную КГБ, где предложили свои услуги. Седой представительный мужчина, внимательно выслушав нас, посоветовал вначале кончить, какой-нибудь институт, а потом уже приходиться к ним. После такого совета я решил поступать туда, куда полегче. Таким «легким» мне показался «рыбный» институт, который, кстати, заканчивала мама. Но я его явно недооценил и срезался уже на первом экзамене. Тогда я вспомнил свою телевизионную практику и подал документы на актерский факультет ВГИКа. Конкурс там был астрономический, несколько сот человек на место, а набрать должны были лишь пятнадцать. Абитуриенты вначале должны были пройти три тура конкурса по мастерству, а затем уже сдавать общие экзамены. Но это уже было чистой формальностью. Я подготовил басню, стихотворение и монолог из спектакля и пошел на первый тур. На следующий день я обнаружил свою фамилию в списке прошедших на второй тур. После второго в списке осталось всего человек пятьдесят, и опять там была моя фамилия. Я напрягся. Когда после третьего тура в списке осталось семнадцать человек, и я вновь обнаружил себя среди них, то стал сомневаться в реальности происходящего. Вокруг меня визжали от счастья или рыдали в три ручья. А у меня было состояние ступора. Вскоре все стало на свои места. Через пару дней, когда я пришел узнавать расписание общих экзаменов, то на стене висел окончательный список прошедших конкурс из пятнадцати фамилий, среди которых моей уже не было. В приемной комиссии извинились за техническую ошибку и отдали документы. Позднее я узнал, что были приняты без формальных экзаменов, сразу несколько человек, из действующих актеров кино, но не имеющих специального образования. Я, почему-то, не так уж и расстроился и пошел сдавать экзамен по проторенной дорожке в другой театральный институт. Благо, во всех этих учебных заведениях приемные экзамены по времени не совпадали. Таким образом я пробовал счастье в Щукинском, Щепкинском училищах, ВГИТИСе. Везде срывался на втором или третьем турах.

Признаться, что никогда позднее я не жалел, что не стал актером. Там надо быть либо действительно талантливым и выдающимся лицедеем, либо не быть им совсем. Вдобавок, постоянная зависимость от творческого видения режиссера, его настроения и расположения. О кино и говорить не стоит – там лотерея.

Я думал, что навсегда распростился с «подмостками», однако, довольно скоро я вновь столкнулся с ними. Но об этом позднее.

После всех этих неудачных попыток я, чтобы не быть обузой семье, пошел не стройку учеником сантехника. Строили огромный жилой дом на Войковской. Стояла зима. В продуваемых насквозь конструкциях было очень холодно. Монтировали батареи отопления, варили

водопроводные трубы, ставили сантехнику. Моя задача, в основном, сводилась к «подать-убрать» и доставке в обеденный перерыв водки для своих учителей. В один из таких дней кто-то из них, приняв изрядно на грудь, что-то напортачил с установках для ацетиленовой сварки. Она взорвалась, и осколок угодил мне в ногу. Бригадир решил скрыть производственную травму, и меня уговорили отправиться до выздоровления домой, пообещав сохранить среднюю сдельную. Когда нога зажила, я решил, что жизнь дороже денег и туда уже не вернулся.

Приближался Новый год, и у меня возникла идея встретить его в ресторане. Отчим был командировке, старшая сестра собиралась встречать его со своими друзьями, а мы заказали столик в ресторане «Националь» и отправились с мамой и Розой. На улице валил густой снег, и в уличных фонарях закручивались гигантские конусы белых хлопьев. В ресторане вначале было тихо и чинно, люди разговаривали вполголоса. Постепенно все оттаяли и развеселились. Я потанцевал немного со своими, затем заметил за столиком неподалеку красивую черноволосую молодую женщину. Рискнул пригласить ее на танец. Она с улыбкой согласилась. После вальса последовало танго, затем фокстрот. Оркестр играл без перерыва и мы танцевали один танец за другим, не возвращаясь на место. Ее пожилой спутник благосклонно поглядывал на нас. После перерыва и некоторого отдыха оркестр заиграл незнакомую мне танцевальную мелодию. Густо запели скрипки и она отдаленно напоминала мне цыганский танец. Но я ошибся. Неожиданно, уже сама незнакомка подошла к нашему столику и, запросто, по-свойски, пригласила меня на танец. Говорила она по-русски с сильным иностранным акцентом, но довольно чисто. Рисунок танца был несложен, надо было просто в ритм переступать ногами. Но его темп все возрастал и возрастал. Наконец, он превратился в бешеный вихрь. В зале все перемешались, взялись за руки, образовав большой круг, который сходил, расходился, шел в одну сторону, затем в другую. Все взмокли, устали, женщины растрепали свои прически, но хохотали и хлопали в ладоши. От своей партнерши я узнал, что это был знаменитый еврейский танец «Семь сорок».

Через какое-то время от одного из столиков, стоящих у самого выхода, отделился мужчина и незаметно подошел ко мне. Он вежливо поинтересовался, знаю ли я свою партнершу. Я ответил отрицательно. Тогда он объяснил, что мужчина, который сидел с ней за столиком, ее муж и является временным поверенным Израиля в СССР. У нас в то время не было официальных дипломатических отношений с этой страной, и он как бы заменял посла. Действительно, на их столике был установлен небольшой флажок Израиля, на который я раньше не обратил внимания. Мужчина также вежливо посоветовал мне сменить партнершу, так как нетактично приглашать все время одну и ту же даму. Там не менее я станцевал с ней еще пару раз, и она, видимо поняв все, заявила: «Все, я устала, надо отдохнуть и поесть, Спасибо Анатолий. — и шепотом добавила. — Не надо дразнить гусей». Кого она имела в виду, мужа или посетителей ресторана, я так и не понял, но этот Новый год помню до сих пор.

Вскоре я узнал, что в районе Тушино идет набор в школу водолазов-спасателей. Я отправился туда, легко поступил и стал заниматься. Нас там не только учили, но усиленно кормили два раза в день. Освоив теорию и материальную часть легкого и тяжелого водолазного оборудования; четко поняв, что такое кессонная болезнь, компрессия и декомпрессия; мы перешли к практическим погружениям в Москва реку в районе речного порта. Там мы, по очереди, облаченные в шерстяные фуфайки и шапочки, залезали в большой прорезиненный скафандр. На голову надевали круглый шлем, который привинчивали к скафандру. Прикрепляли резиновый шланг для воздуха, подаваемого ручной помпой и страховочный фалл. В руки давали сигнальный конец и опускали в прорубь. Тяжелые свинцовые подошвы сразу тянули на дно. Надо было не забывать и нажимать головой специальный клапан, выпускающий выдыхаемый воздух из скафандра. Если забудешь, то он быстро раздуется, тебя перевернет вверх ногами и прижмет снизу ко льду; возись тогда с тобой. Подо льдом было темно, но надо было пройти в определенном направлении метров двадцать и вернуться назад. Я спустился на дно. Было

относительно мелко, потому что шлемом я чувствовал нижний рыхлый слой льда. Отойдя, шагов на пять по маршруту, я уперся головой в этот слой и остановился. Идти дальше не очень хотелось. Поэтому я стал подтягивать на себя все, что за мной тянулось, создавая для стоящих наверху, иллюзию своего движения. Этой уловке научили меня в школе старшие товарищи.

Окончив школу и получив удостоверение профессионального водолаза-спасателя, я был выпущен на «вольные хлеба».

В это время, уступив моим постоянным просьбам, родители дали мне денег на покупку мотоцикла. Боже, с какой любовью и тщательностью я выбирал себе стального коня, пока не остановился на последней модели «ИЖ-56». Одновременно я приобрел за бесценок маленький гаражик специально для мотоцикла без коляски, который стоял рядом с гаражами для машин во дворе нашего дома и пустовал уже года три. На грузовике я привез мотоцикл к гаражу и уже на следующий день, заправив бензином и моторным маслом, стал осваивать в теории и на практике. На велосипеде я ездил уже давно, поэтому считал, что покорить это сверкающее эмалью и никелем чудо, не составит особого труда. И действительно, разобравшись в рычагах управления, я сел и поехал. Вначале по пустым улицам, затем свернул на шоссе и стал подъезжать к институту Курчатова. На переходе у тротуара стояли две женщины и пережидали поток машин. Одна из них, видимо решив, что мотоцикл не машина и опасности не представляет, бросилась переходить прямо передо мной. Я притормозил, она тоже. Я жму на газ, она тоже. В результате я уложил ее с переломом ноги и угодил в милицию. Был суд, на котором я искренне признал свою вину и патетически попросил судей не лишать меня свободы. Судьи улыбались, но приговорили меня к весьма солидному штрафу. Я взял деньги взаймы и, чтобы погасить долг, устроился на работу водолазом-спасателем на спасстанцию «Серебряный бор». Там применялось легководолазное снаряжение, хорошо мне знакомое. Устройство аппарата было простым. Небольшой кислородный баллон с редуктором подавал кислород определенными порциями в резиновый «дыхательный» мешок. Из него по шлангу воздух попадал к маске. Выдыхался он уже по другому шлангу, поступал в капсулу химпоглотителя, где очищался и опять возвращался в мешок. Там он смешивался с очередной порцией чистого кислорода, и цикл повторялся. Излишек воздуха стравливался из мешка через специальный клапан.

Работой мне определили постоянное ночное дежурство. Вечером я приезжал на работу, а утром уезжал домой. Особых происшествий ночами не случалось, и утопленников из воды доставать не пришлось.

Неудачный первый опыт не отвратил меня от мотоцикла. Вскоре я носился на нем не только по Москве, но и по Подмосковию, где меньше машин и можно было развить приличную скорость. «ИЖ-56» для того времени довольно мощная машина и 120 километров в час он давал не особенно напрягаясь. Для разнообразия я решил съездить на нем в Курск, где жила с семьей мамина сестра, то есть моя тетя. Пригласил одного из приятелей составить мне компанию и весной, где-то часа в два, мы выехали с расчетом переночевать в дороге. Возле Тулы у мотоцикла пробило прокладку двигателя. Нужна была новая. Мы притащили машину на ближайшую автобазу. Нужных людей не было на месте, и нам предложили отложить дело до утра. Мы кое-как переночевали в подсобке базы и на следующий день мотоцикл нам отремонтировали.

Перекусив из запасов, мы двинулись дальше. Недалеко от Орла, шоссе делает длинный плавный изгиб, вроде правильного полукруга. Здесь мне пришла в голову мысль проверить свой глазомер, координацию и устойчивость вождения. Я решил закрыть глаза и вести машину секунд пятнадцать вслепую, вписываясь в этот полукруг. Когда я их открыл, мы уже на скорости 120 километров в час плавно съезжали в довольно глубокий и широкий кювет. Я успел лишь крепче схватиться за руль, чтобы его не вырвало из рук сразу. Затем мы по касательной вылетели из ямы, мотоцикл перевернулся в воздухе, предварительно разбросав нас в разные стороны, и, истощно завывая, рухнул на землю. Странно, но мы остались живы и относительно

невредимы. Я тут же вскочил и, не чувствуя боли, бросился заглушить машину. Стальной конь пострадал, но был на ходу. Оказалась разбитой фара, немного погнут руль и пополам сломан номерной знак. Ехать дальше в таком виде было рискованно. Но до Орла было рукой подать, и мы решили там подстраховаться. В городе обратились в ГАИ, сочинили историю, что разбились героически спасая, внезапно вышедшую на шоссе корову, и попросили дать нам оправдательный документ, чтобы ехать дальше в Курск. Не знаю, поверили нам или нет, но на всякий случай проверили на алкоголь и выдали «подорожную», но... обратно до Москвы. Возвращаться с полдороги нам не хотелось, и мы, наперекор всему, решили все же ехать дальше. Риск оправдался, мы благополучно миновали два поста, где на нас не обратили внимания, и добрались до цели. В Курске купили новую фару, выправили руль, переночевали и также без происшествий вернулись домой.

Приближалось время новых экзаменов в институты. На этот раз я решил поступать в первый медицинский. Как не странно, но меня даже не смутил конкурс в тридцать человек на место. Основной массой абитуриентов были девушки. Тогда не было такого явления, как взятки, но все же определенной политики комиссия придерживалась. Старались отдавать предпочтение ребятам. Это я ощутил на себе. Я слышал, как хорошо передо мной отвечала девушка, но ее засыпали дополнительными вопросами, сбили и, в результате, поставили тройку. Я отвечал хуже, но получил «отлично» без единого дополнительного вопроса. В итоге, набрав 24 из 25 баллов, я прошел конкурс. Таким образом, не имея особого желания, я стал студентом лучшего медицинского института страны.

Не буду описывать свои ощущения от первых встреч с анатомичкой, о своих симпатиях и антипатиях к изучаемым предметам. Учебу оставляю на конец. А сейчас о свободном от занятий времени. Итак, вначале я поступил сразу в две секции – подводного плавания, в бассейне возле метро Парк культуры и спортивной гимнастики, при институте. В подводном плавании уже начали применять акваланги, и мне было полезно освоить этот вид спорта на будущее. Сделал я это довольно быстро и, когда мне в бассейне стало тесно, закончил занятия. А вот гимнастикой я увлекся на значительно более длительное время.

Месяца через четыре после начала занятий в институте мне позвонили от Марка Орлова и предложили сдать экзамены во вновь организуемый экспериментальный театр-студию при центральном телевидении. Обучение – без отрыва от производства, по программе ВГИТИСа. Руководить мастерской должен был режиссер Орлов. Я с радостью согласился. Конкурс проходил в два тура, и во главе комиссии сидел уже знакомый мне режиссер. Отработав уже готовую ранее программу, я был принят. Опять началась напряженка со временем. Занятия в студии проводились три раза в неделю с восьми до одиннадцати часов вечера. Хорошо еще, что эти дни не совпадали с днями тренировок. Зато вся неделя была занята полностью. Домой, зачастую, приходилось возвращаться в первом часу ночи.

Удивительно, но в этот же зимний период произошло основное событие в моей жизни. Как-то я зашел в книжный магазин на улице Горького недалеко от Белорусского вокзала. Открывая дверь, моя рука случайно соприкоснулась с рукой, выходящей оттуда девушки. Я взглянул на нее и меня буквально пронзил электрический удар. Я влюбился сразу и бесповоротно. Конечно, я пошел за ней. Догнав, попытался завести разговор и познакомиться. Но все мои попытки разбивались о стену молчания. Лишь иногда, искоса, она бросала на меня из-под полуопущенных ресниц быстрый взгляд и все. Так мы дошли до большого многоэтажного дома за стадионом «Юных пионеров». Лифт поднял нас на этаж, где она, также молча, позвонила в дверь квартиры и скрылась. Мне осталось ждать у «моря погоды». Однако, она неожиданно быстро вышла, но уже вместе с подругой, которая с лукавой улыбкой оглядела меня с ног до головы и поинтересовалась, что я здесь делаю. Я объяснил, что хочу познакомиться с ее подругой. Словом за слово, я узнал, что мою незнакомку зовут Галя, а ее подругу – Лида; что Галя зашла за ней, и теперь они идут по делам; что обе девушки учатся в десятом

классе. Больше ничего существенного узнать не удалось. Подруги были абсолютные противоположности. Лида – светленькая, голубоглазая, круглолицая хохотушка с мелкими кудряшками, а Галя – высокая, худенькая, стройная, черноволосая и очень строгая. Когда она искоса бросала на меня быстрый взгляд своих огромных темно-карих глазниц, у меня начинался приступ сердцебиения. С Лидой мне удалось договориться о встрече втроем. Однако, они на нее так и не пришли. Пришлось опять ехать к Лиде домой и договариваться заново. В этот раз Галя пришла и даже, как не странно, одна. Теперь наши встречи стали регулярными. Вскоре я познакомил ее со своей семьей, и она стало часто бывать у нас дома. Теперь субботними и воскресными вечерами в нашей квартире стало совсем шумно. Мы устраивали танцы, общие игры, литературные вечера. Иногда к нам приходили друзья из телестудии, и мы показывали импровизированные сценки, этюды, читали стихи. Постепенно такие вечера стали регулярными.

Летом я с товарищем отправился на мотоцикле в Судак, где уже находились мама, бабушка и сестра. Отчим в это время был командирован в КНДР в качестве военного советника по противовоздушной обороне. Там в это время шла война.

В Судаке, сразу за гегуэзской крепостью есть, такой же залив, на берегу которого расположен знаменитый завод шампанских вин «Новый Свет», основанный еще в конце ХУШ века. Там, как и сейчас, применяется уникальная «французская» технология приготовления шампанского. Виноградный сок сначала сбраживается в бочках, затем его осветляют, смешивают в больших емкостях, разливают в толстостенные бутылки и помещают в подвал. Образовавшийся осадок, собирают «на пробку» и специальный мастер-дегоржер, держа бутылку горлышком вниз, на мгновение вынимает пробку. Скопившийся газ выбрасывает осадок, и бутылку вновь закрывают. Затем шампанское отправляют на дальнейшее созревание. Весь этот процесс занимает три года. Сейчас у нас в России такая технология практически не применяется, шампанское готовится в непрерывном потоке за пару месяцев. Отсюда и качество, которое не идет ни в какое сравнение с Ново светским.

В Судаке по соседству с нами жил директор этого завода. Мама и бабушка успели подружиться с его семьей и, когда я приехал, директор пригласил нас побывать на заводе. После экскурсии по цехам, все пошли на берег моря. Рабочие принесли туда пару ящиков коллекционного шампанского, фрукты и мы устроили дегустацию. Пляж здесь шикарный, не хуже, чем в Судаке и совершенно пустой, потому что относится к заводской территории, и проезд сюда запрещен. Полное представление об этом месте можно получить, посмотрев кинофильм «3 плюс 2», который здесь снимался. В плане «натуры» Судаку тоже везло, даже слишком. Большое число наших фильмов с морской тематикой снято на берегу моря в этих местах.

Короче, расслабившись в райском месте, я впервые в жизни был пьян. Потом, конечно, было неприятно и стыдно вспоминать, но, что было, то было.

Забегу на два года вперед и сразу расскажу еще об одном случае, когда я был, как говорится, «в стельку». После третьего курса я стал в Судаке подрабатывать в поликлинике терапевтом на пол ставки. Как-то, двое коллег пригласили меня посетить винные подвалы Судакского винзавода. Завод выпускал «Мадеру», «Кокур» и портвейн «Сурож». «Мадеру» для созревания наливали в огромные дубовые чаны и она «шпарилась» под палящим крымским солнцем, насыщаясь и пропитываясь запахами солнца и дуба. Крымская «Мадера» очень ценится и знаатоками, и любителями вин. Подвалы представляли собой подземные туннели, которые веером тянулись от главного входа почти на сто метров. С точки зрения технологии «вход» был скорее «выходом», потому что здесь получалась уже почти готовая продукция, которая шла на разлив в бутылки. Молодое сусло заливалось в бочки на другом конце туннеля, куда мы и вошли. Здесь созревал «Сурож». В подвалах поддерживалась постоянная влажность и довольно низкая температура воздуха. Вдоль одной из стенок шел бесконечный ряд огромных, лежащих на своеобразном конвейере бочек. Наверху каждой из них виднелась небольшая горловина. Зрелость вина от бочки к бочке возрастала. Когда готовое вино шло на разлив и место освобождалось,

все бочки передвигались и освобождали место для новой порции. Мы шли за виноделом, который держал в руке толстую и длинную стеклянную трубку с резиновой грушей на конце и читал нам лекцию о крымских винах, пока я не остановил его вопросом, дескать, теория – это хорошо, но неплохо было бы иногда подкреплять ее практикой. Спорить он не стал, подставил к ближайшей бочке лесенку, набрал из горловины порцию вина и налил в подставленный мной стакан (их мы получили на входе). Порция оказалась объемом почти в полный стакан. Вино было желтоватого цвета, довольно сладкое и не очень крепкое. Я пил раньше «Сурож» и не узнал его. Это вино должно быть золотистого цвета с приятным вкусовым букетом и крепостью 18—19 градусов. Винодел объяснил, что оно еще не зрелое и не советовал, во избежание неприятностей, пить вино разной степени выдержки. Но мне все же хотелось проследить за меняющимся вкусом и я, прежде чем мы дошли до места общей дегустации, выпил еще несколько стаканов. Мои коллеги, имеющие уже местный опыт, оказались менее любопытны и более терпеливы. У последней бочки все наверстали упущенное, однако, и я не очень, чтобы отставал от них. В соседнем туннеле созрел «Кокур». Это было очень сладкое, почти «ликерное» вино, и все отказались. Кроме меня. Я решил его тоже попробовать. Выпив стакан, я почувствовал, что налит жидкостью, как говорится, до горлышка. Но опьянения я пока не чувствовал и сам удивлялся этому. Коллеги мне объяснили, что результат наступит очень скоро, как только мы выйдем на сорокоградусную жару. Действительно, до машины я еще как-то дошел, но потом уже ничего не помню, и пришел в себя лишь ночью на своей постели в липком поту, с головной болью и прочими «прелестями» алкогольного отравления. Это был хороший и незабываемый урок для меня в отношении «культуры питания».

В этот сезон я долго в Судаке не задержался. Во-первых, соскучился по Гале. Во-вторых, в конце лета должна была состояться спартакиада народов СССР, где я должен был участвовать в выступлениях гимнастов на ее торжественном открытии. Поэтому мы с приятелем вылетели вскоре в Москву, оставив мотоцикл на зиму у знакомых. За месяц до спартакиады меня забрали на сборы по подготовке к ней. Мы жили в гостинице «Золотой колос» на полном пансионе и репетировали свои выступления на площади около скульптуры Мухиной «Рабочий и колхозница». Мне удалось достать два пригласительных билета на первый день открытия, и Галочка с подругой получили удовольствие от этого феерического зрелища.

1959 – 1960 гг.

**Институт. Женитьба. Приработки. Снова Судак. «Чертов мостик». Сердолик-
вая бухта.**

Начались занятия в институте. Если первый курс прошел у нас в здании бывшего медицинского факультета МГУ на Моховой, то второй и последующие мы учились уже на Пироговке, где широко раскинулся целый квартал факультетов и клиник нашего института. Я стал получать стипендию 35 рублей в месяц и подрабатывать в институте медицинской информации, переводя и реферируя, научные статьи с немецкого языка на русский.

Новый год мы встретили вдвоем с Галей в ресторане «Ленинградский». Гале после школы не удалось пройти конкурс в МАИ, и она пошла работать в один из закрытых институтов чертежником.

Посоветовавшись с мамой и получив согласие от отчима, я сделал Гале предложение выйти за меня замуж. Теперь нужно было согласие ее родителей. Галя жила с бабушкой и дедом в старинном особняке, принадлежащим ипподрому и находящимся недалеко от него. В молодые годы дед служил там наездником. Ее мать сразу после войны повторно вышла замуж, и они с мужем жили отдельно. Согласие тех и других мы получили и решили расписаться в августе в день моего рождения.

Летом я съездил на короткое время в Судак, где успел попасть ночью на мотоцикле в серьезную аварию. Это была вторая авария. Третья могла стать последней, поэтому я продал разбитый мотоцикл там же в Крыму.

В августе мы с Галей расписались. Около ЗАГСа к нам подошли с микрофоном работники итальянского радио и стали расспрашивать, как и где мы познакомились. На их вопрос, на что мы рассчитываем жить, если не обладаем достаточными доходами, мы, растерявшись, сразу не ответили, Выручила мама, объявив, что родители помогут.

К этому времени число населения в наших двух комнатах уменьшилось. Старшая сводная сестра уехала учиться в Новосибирск и там вышла замуж. Отчим вернулся из Кореи и сразу же, получив назначение заведующим военной кафедрой Горьковского университета, уехал туда. Мама стала жить, как бы, между двух домов. Поэтому нам с Галей выделили отдельную комнату.

Чтобы немного улучшить наше материальное положение, я стал потихоньку сдавать кровь. Сдаешь пол-литра, зато получаешь хороший обед и неплохие деньги.

Весной меня взяли на работу в детскую районную поликлинику врачом на пол ставки. Дипломированных врачей не хватало, вот и затыкали дыры студентами. Я ходил по вызовам и вел прием больных. Накладок и ошибок, слава Богу, не было. В сложных случаях всегда находились рядом более опытные коллеги, которые помогали разобраться. Зато доходы нашей семьи увеличились.

Летом, во время Галиного отпуска, мы полетели в Судак. Там я стал подрабатывать терапевтом. В это время и произошел тот случай с винным подвалом, о котором я уже писал. В Крыму мы целыми днями пропадали на море, лазали по горам, обошли все окрестности, катались на лодках и байдарках. Были, правда, там рискованные моменты, которые, к счастью, окончились благополучно. О двух из них я расскажу.

Вдоль горы Алчак, нависшей над морем, по ее склону когда-то шла каменная тропа, ведущая в соседнюю бухту. Затем по ее середине произошел обвал, и в этом месте осталась гладкая вертикальная стена шириной метров в пять. Заботливые люди соединили края этой тропы деревянным настилом шириной всего в полметра, но с перилами. Я еще застал этот мостик, нависший на высоте нескольких десятков метров над россыпью скальных обломков. Его окрестили «чертовым мостиком». К сожалению, и он разрушился. Мы, ребята, все же ухитрились перебираться через эту пропасть, выискивая небольшие выступы, куда можно было, хоть немного, поставить ногу и ухватиться рукой.

Вот к этому «чертовому мостику» мы с Галей и отправились. Быть может меня «нечистый попутал», а скорее всего для бравады, я переправился на другую стороны и хотел, было, вернуться назад, как вдруг увидел, что она уже собралась следовать за мной. Я попытался отговорить ее, но тщетно. Галя уже вставила ногу в ближайшую выемку, ухватилась за выступ и повисла над пропастью. Мне были известны все выемки и выступы скалы, все хитрости перехода, она же все делала впервые. Галя висела, а я похолодел и почувствовал, как сердце прыгнуло куда-то вниз и остановилось. Первые секунды я был парализован страхом. Затем, чуть дыша, стал советовать, что делать дальше. Эти метры перехода стоили мне, наверное, столько же лет жизни. Но все окончилось благополучно. На обратной дороге я категорически отказался испытывать судьбу дальше, и Алчак мы огибали вплавь морем, держа одежду в руках.

В другой раз мы решили посмотреть знаменитую Сердоликовую бухту, которая находится между Судаком и Феодосией. Ехать туда на попутной машине было неинтересно, и мы пошли напрямик вдоль берега через горы. Дорога была очень трудная, но часа через четыре мы уже стояли на обрыве над Сердоликовой бухтой. Однако, чтобы попасть туда надо было пройти еще почти километр вдоль берега по снижающейся тропе, а затем, уже по пляжу, вернуться обратно. Между тем, она была прямо под нами, и мы рискнули спускаться с высоты около двухсот метров по этой почти вертикальной скале. Цепляясь за выступы, мы начали спуск. На пути

были россыпи мелких камней, которые не держали ногу, а скользили вместе с ней. Опорные камни были ненадежны и часто выворачивались из-под руки или ноги. Тем не менее, мы спускались. Я был ниже Гали на несколько метров, и на меня еще дополнительно сыпались камни из-под ее ног. Камни неслись дальше вниз, набирали скорость, щелкали о выступы и наводили ужас на расположившихся внизу купальщиков. Те отошли уже на безопасное расстояние и теперь, с ненавистью и опаской, глядя на нас, кричали снизу все, что о нас думают. И все же мы не только спустились, но и сумели наладить нормальные отношения с отдыхающими.

Время текло быстро, стало смеркаться, и мы отправились назад нормальным путем. В Крыму очень быстро темнеет. Ночь обрушилась на нас внезапно, когда мы только выходили на шоссейную дорогу. Попутных машин не было и пошли по дороге с надеждой, что нас все же подберут. Здесь к нам присоединился целый выводок маленьких, кем-то брошенных, котят. Они отчаянно бежали за нами, путались в ногах и жалобно мяукали. Наконец, появилась попутная грузовая машина. Шофер согласился подвезти нас, но, показав в сторону нашей свиты, заявил: «Только без этих». Мы все же его уговорили и, забрав всех зверушек, поехали. Недалеко от дома выпустили котят в надежде, что здесь они найдут себе хозяев. Рано утром нас разбудили возбужденные голоса соседей, активно обсуждающих котиное нашествие. Мы сохранили эту тайну и постепенно котят разобрали по домам.

1963 гг.

Рождение сына. Гагарин. Психбольница. Миражи космоса. Театры. Парашют. Наука. Диплом.

Следующий год был ознаменован несколькими событиями. Самое главное — у нас родился сын. В роддом посетителей не пускали. Тогда я пошел на хитрость. Явившись к главному врачу, я сказал ему, что я студент-медик и предложил свои услуги в качестве бесплатного санитаря. Тот, конечно, обрадовался и сразу же передал меня старшей медсестре с наказом познакомить «коллегу» с роддомом. Мне выдали халат, и мы пошли на экскурсию. Под каким-то благовидным предлогом я вскоре сбежал и объявился уже в нужной мне палате. Но не успел как следует насладиться удивлением жены и, лежащих с ней в палате, молодых мам, как был обнаружен, разоблачен и с позором изгнан.

С появлением сына – Сергея заботы прибавились. Требовались деньги. Галя была в декрете, и ее отпускные быстро растаяли. Детская поликлиника укомплектовала штаты. Осталась моя стипендия, да сдача крови и переводы, как приработок.

Питались мы всей семьей вместе, да и мама, конечно, помогала деньгами; но нельзя же было взрослым детям сидеть на шее у родителей. Надо было искать дополнительный источник финансирования. Тогда я поступил на работу медбратом в психиатрическую больницу «Матросская тишина». Дежурства были ночные с 20 часов вечера до 8 утра через две ночи на третью. Совмещать работу с занятиями гимнастикой и в телестудии стало невозможно, и я вынужден был с ними расстаться.

Я обещал не затрагивать общественные и политические события в стране, но один раз уже нарушил его, рассказав о смерти Сталина. Тогда это было не только общее событие, но и наше личное горе. Вынужден нарушить обещание еще раз. И в этом случае оно коснулось конкретно нашей семьи и чуть было не повлияло на мою дальнейшую жизнь. В апреле всех потрясло и обрадовало известие о запуске на орбиту первого космонавта планеты Ю.А.Гагарина. Люди кругом ликовали. У меня, конечно, сразу возникла идея, а не податься ли туда и мне. Я рассуждал так: спортсмен; имею, хотя бы косвенное, отношение к авиации; будущий врач. Однако, попасть в школу космонавтов просто так, с улицы, было невозможно. Нужна была хоть какая-то рекомендация. Я узнал, что есть такой генерал Горегляд, который является начальником Центра подготовки космонавтов. Отчим как-то обмолвился, что генерал

с такой же фамилией был его начальником во время войны в Корее. Не одно ли это лицо? По телефону это не выяснишь, и я, отпросившись на работе, вылетел на день-другой в Горький.

Отчим мой был профессиональным военным. Прошел фронт. Под его началом всегда было много людей. Поэтому он был постоянно строг, суховат и не улыбочив. Он подтвердил мою догадку, но на просьбу написать Горегляду хоть какую-нибудь маленькую записку или позвонить, чтобы тот меня принял, ответил категорическим отказом. Он даже предупредил, если я сам найду дорогу к генералу, то ни в коем случае не должен говорить или намекать о нашем родстве. Так, ни с чем, я и вернулся в Москву. И все же я написал письмо-заявление с просьбой о приеме в школу космонавтов на имя начальника Центра. Через какое-то время из штаба ВВС мне официально ответили, что прием уже закончен, и в случае дополнительного набора мне сообщат. Но так никто и не сообщил.

Растить сына оказалось довольно тяжело. Особенно тяжело пришлось Гале. Ее декретный отпуск истек, и надо было приступать к работе. Пришлось Сергея отдать в ясли, а затем и в садик. Ясли были далеко, в районе Петровско-Разумовского, и ей приходилось рано утром до работы, одевать сына, тащить его на руках до электрички и ехать до нужной станции. Сдав его с рук на руки, она бежала на работу. После нее все повторялось в обратном порядке, но прибавлялись еще магазины.

И все же, несмотря на трудности, мы ухитрились ходить в театры и концерты. Естественно, ходили и в Большой, и в Малый, и во МХАТ, и во многие другие, но больше всего любили музыкальный театр им. Станиславского и оперетту. Билеты в театры были тогда совсем не дорогие, и мы могли их посещать без особого ущерба для семейного бюджета.

Не забывали мы и музеи Москвы. Среди них тоже были свои любимчики, например, музей изобразительных искусств им. Пушкина и Третьяковская галерея. Объездили мы и подмосковные усадьбы – Мураново, Архангельское, Абрамцево и другие.

Надо сказать, что мы везде старались с Галей быть вместе. Даже тогда, когда мне предстояло прыгать с парашютом, она поехала со мной на аэродром в Подольск. Эта «блажь» пришла мне в голову внезапно. Вспомнив, как-то, ушедшее время, я поехал в аэроклуб и сумел уговорить их разрешить мне прыжок. Там мне пришлось сдать экзамен по теории и показать на тренажере, что техникой управления парашютом я владею. Пригодились знания, приобретенные в спецколе ВВС.

Зимним утром мы с Галей приехали на аэродром. Прыгать надо было с аэростата. Он стоял наготове, привязанный тросом, с корзиной для спортсменов. Наша группа новичков построилась возле, разложенных на земле, уже подготовленных парашютов. По команде мы их надели. Запасной – на груди, основной – на спине. В корзину пошла первая четверка с одним из инструкторов. Аэростат, придерживаемый тросом, поднялся на высоту триста метров. Кругом тихо, полное безветрие. Я должен был прыгать во второй группе.

Прыгает первый спортсмен. Хлопок, парашют раскрылся и он повис в воздухе на стропах, медленно спускаясь. Второй. Третий. У четвертого купол хотя и выскочил из ранца, но, перехлестнутый стропом, полностью не раскрылся и волочился вслед перевернутой каплей. На земле у всех перехватило дыхание. Затем стали орать: «Запасной! Открой запасной!». Из ранца на груди, падающего на землю спортсмена, вылетел белый комок, который тут же засосало под погашенный парашют и он тоже не смог раскрыться. Уже раздался вой «скорой». Я даже опустил глаза, чтобы не смотреть. Но тут произошло невероятное. Раздался сильный хлопок и купол основного парашюта, отбросив запасной, полностью раскрылся. Затем еще один хлопок и раскрылся запасной. Спортсмен повис в воздухе, не долетев до нее, всего несколько метров. Но, хотя приземление было достаточно жестким, человек остался жив и невредим.

Теперь предстояло прыгать второй очереди. Скажу честно, что после этой сцены мне было немного не по себе. Мы сели в корзину. Аэростат поднялся. По команде инструктора я

встал, застегнул карабин вытяжного троса за скобу, распахнул дверцу корзины. Подо мной, кажется, совсем рядом белело поле аэродрома с постройками, самолетами и кучкой людей внизу. В быту я боюсь высоты, но сейчас страха не было, я знал, что все равно придется прыгать, и ждал команды. «Пошел» – скомандовал инструктор, и я, слегка оттолкнувшись, прыгнул. Сначала было стремительное падение, затем резкий рывок, и я повис под огромным белым куполом над заснеженным полем. Падения не ощущал никакого, будто просто неподвижно вишу в воздухе. Вверху голубое небо, внизу заснеженное поле и абсолютная нереальная тишина. Меня охватило чувство восторга, необыкновенной свободы и единства с бесконечным простором. Хотелось как-то выразить это чувство и, видимо, я уже начал это делать, потому что снизу в мегафон раздалась команда: «Не болтайте ногами». Расстояние до земли было небольшое и пришлось сосредоточиться и сгруппироваться для встречи с ней. Крепкий удар, и вот я уже стою на прочной опоре. Прыжок прошел удачно, принес мне неиспытанные ранее ощущения.

Между тем время шло. Сын подрастал. Галя поступила в авиационный техникум, а на работе ее повысили до должности инженера-конструктора. Роза вышла замуж, и ее муж переехал к нам. Теперь мы жили в одной комнате с ними, отгороженные ширмами. Бабушка и мама поменяли однокомнатную квартиру и комнату на двухкомнатную и жили отдельно. Перед нами встал вопрос приобретения отдельной квартиры. Получить ее от государства было нереально, и мы с Галей решились на кооператив. Деньги взяли займы у родителей и, частично, у знакомых. Не прошло и полгода, как мы переехали в новую двухкомнатную квартиру на улице академика Павлова. Это было непередаваемое счастье. Наш балкон выходил в лес, где росли грибы. С другой стороны к домам примыкало пшеничное поле и дальше, до самой кремлевской больницы, тянулись молодые сосновые посадки. Но, что самое главное, мы были одни!

В повседневной жизни мы с Галей не шиковали, но все необходимое имели. Питались тоже нормально. Инженер получал в то время 120 рублей в месяц. Плюс мои доходы – стипендия с приработками – 180, итого 300 рублей. Это были уже неплохие деньги. За, купленную в рассрочку на 15 лет квартиру, мы платили не так много. Коммунальные платежи были незначительны. Одежда, особенно детская, стоила дешево. И совсем недорогими были продукты питания. Например, килограмм картошки стоил 10 копеек, говядины – 90 копеек, рыбы – 70 копеек, батон хлеба – 13 копеек. В магазинах было изобилие продуктов. За прилавками громоздились пирамиды из банок с крабами; на лотках высились горы красной и черной икры, которую продавали на вес; густо висели связки ароматнейших копченых колбас.

Тем временем я переходил с курса на курс, но определиться в будущей специальности не мог. Чтобы как-то сориентироваться, я пробовал разные направления. Устраивался на работу лаборантом в институт им. Гамалея, который занимался вирусологией и микробиологией; затем в институт физиологии; институт мозга и другие. Работал в свободное от учебы время, бесплатно. Я видел, как рядовым научным работникам приходилось бесконечно отрабатывать, какой-нибудь крошечный элемент из общей темы. Они работали на кандидатов, докторов наук, подчас, не совсем разбираясь в общей идее, и, мечтая, получить хоть малюсенькую, но свою тему, чтобы года через три попытаться защитить кандидатскую диссертацию. Но такова специфика научной работы. Мало кто из научных работников достигает уровня, когда он сможет предложить и начать разработку собственной идеи. Если такая схема человеку не подходит, то не стоит и пробовать. Какое-то время я думал всерьез заняться психиатрией. Но, поработав в «Матросской тишине», и, насмотревшись на бедолаг, которым ничем, кроме «аминазина», эффективно помочь не могут, понял, что практическая психиатрия далека от понимания, как патологии, так и физиологии мозга. Даже те больные, которые выписывались от нас с улучшением, в подавляющем большинстве случаев возвращались обратно. Поэтому

через некоторое время я ушел оттуда и устроился работать ночным медбратом в большую клиническую больницу около метро «Спортивная».

В институте на кафедре травматологии, я предложил два изобретения, которые заведующий кафедрой профессор Шабанов демонстрировал студентам. Он весьма расположился ко мне, предлагал остаться в аспирантуре и обещал, что на базе одного из этих изобретений я буду иметь кандидатскую уже через полгода. Но эта область медицины меня также не вдохновляла. Так что к выпуску я подошел без определенной цели. Получив диплом врача, я вошел в самостоятельный, взрослый, большой и пока загадочный мир.

Вскоре я уехал на Сахалин заместителем главного врача восточно-сахалинского медобъединения. Надо было отработать долг за квартиру. Но это уже другая история и качественно иная биография взрослого человека.

Заключение.

Несмотря на мою неопределенность в выборе специальности, впереди оказалось много интересного. Я ездил на оленях и собаках по нивхским поселкам, работал с японцами в торговом порту, заведовал медицинскими секторами ВЦСПС, консультировал комиссии Верховного Совета СССР, объездил вдоль и поперек весь Советский Союз. Много лет мы с женой провели в Египте и Ираке, где я выполнял работу уже не связанную с медициной. Из конца в конец объездили эти страны, хорошо их узнали и даже полюбили. Нам приходилось бывать под бомбежками, ракетными обстрелами, удирать на машине от курдских террористов.

Всю свою жизнь я прожил с единственной любимой женщиной, которая когда-то, почти 50 лет тому назад, согласилась стать моей женой. Мы теряли старых друзей и приобретали новых. У нас было много радостных дней, но было и горе, и невозполнимые потери.

Заканчивая свои заметки, еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что я не ставил целью сделать анализ моего времени; полностью обошел стороной гражданские и политические настроения моих современников. Я не поучал, как надо относиться к нашему времени. Я писал о возможностях свободы выбора, о доступности познаний, о том, что нам было интересно жить, несмотря на отсутствие мобильных телефонов, компьютеров, Интернета и телевизоров. Я излагал хронику чисто бытовых и личностных событий жизни рядового советского мальчишки. А выводы вы должны сделать уже сами.

Обыкновенный остров¹ **(Документальная повесть)**

Все-таки интересная это штука – жизнь! Каждый рано или поздно убеждается в справедливости этих слов на собственном опыте. Вот ведь, кажется, загнала она тебя в угол, а сама точно бы с любопытством наблюдает за тобой. Плохо, если стоишь там покорно: утратит жизнь к тебе интерес, отвернется. А коли ты хоть немного, но сопротивляешься обстоятельствам, она вдруг, опять же из любопытства, возьмет и приоткроет некую таинственную дверцу – и опять смотрит, что, мол, дальше делать будешь? Ты через эту дверцу – и пошел, и пошел по жизненным коридорам, все дальше и дальше, и попадаешь совсем в незнакомые места, где быть-то и не помышлял! Оглядишься, приживешься – и вроде бы ничего особенного, все нормально, даже интересно. Только живешь-то уже по-иному...

Думал ли я, коренной москвич, что вскоре после окончания института судьба моя резко изменится! А ведь причина этого поворота была не такой уж значительной, даже не столько романтической, сколько житейской, скорее, меркантильной.

Я в ту пору только два года назад окончил московский медицинский институт и крайне нуждался в деньгах. Незадолго до события, изменившего мою жизнь, я вынужден был позорно бежать с женой и маленьким сыном из перенаселенной коммунальной квартиры, полным хозяином которой довольно часто становился некто Колька Злобин. Правда, сорок пять лет в другой ситуации давали бы ему право именоваться менее фамильярно. Однако он не был честлюбив и, игнорируя свой зрелый возраст, в моменты опьянения бегал по квартире в одних трусах и с молотком в руке, загоня жильцов в комнаты и насыщая воздух гнусным матом. Однажды я попытался его урезонить и усомнить. Однако, решив, что этот «фраер» хочет покуситься на его авторитет в квартире, Колька попытался набросить мне на шею шарф удавкой. Остановленный ударом в скулу, Колька, размазывая кровь, в сопровождении своей столь же трезвой сподвижницы и супруги ринулся в поликлинику, где получил, кроме первой помощи, справку, в которой значилось, что ссадина появилась в результате удара тупым предметом. После этого, чуть что, Колька потрясал этим юридическим документом и обвинял меня во всех грехах смертных. Шантаж, правда, липовый, но видеть забулдыгу в роли правдоискателя было уж очень противно. К тому же и выпивать он стал не меньше, а больше прежнего, так что в квартире этой стало невыносимо. На очередь в исполкоме не ставили, так что единственным скорым выходом из сложившейся ситуации был кооператив. Идея прекрасная, но как ее реализовать, если врач с моим стажем получал совсем немного, а жена, рядовой чертежник-конструктор, и того меньше? Но тут пришла простая и ясная мысль: если у тебя нет денег, то есть близкие и друзья, у которых они есть. Следовательно, надо взять в долг.

Прямо скажем, дело это не из приятных, но кто-то сказал, что стыд не дым – глаза не выест. Через некоторое время хождения по мукам завершились: был определен кооператив, уплачен вступительный взнос, и наконец переезд молодой семьи на новую квартиру состоялся!

Не успели расположиться, как во весь рост встал призрак кредиторов. Как говорится, долг платежом красен. Однако перспектив никаких! Выручила очередная прекрасная идея, заманчивые слова «районный коэффициент». Но он существует и в Норильске, и в Красноярске, и в Магаданской области, и во многих других местах. Куда же поехать? И дрогнула романтическая струнка моей души. Сахалин! Именно Сахалин, и только Сахалин!

Этот остров рисовался мне таинственным, овеванным легендами и романтикой, огромным сказочным кораблем.

¹ Повесть опубликована в журнале «Дальний Восток» №3, 1985 г.

Соответствующие инстанции очень доброжелательно отнеслись к моей инициативе, и скоро у меня на руках было не только направление с Сахалинский облздравотдел, но и определенная сумма «подъемных». Эта сумма должна была поднять только меня, а жене с сыном предстояло, как Пенелопе, ждать возвращения мужа.

Честно говоря, я не ожидал, что события на новом этапе моей биографии начнут развиваться столь стремительно. Не более чем через три дня со времени моего вылета из Москвы я уже трясся в общем вагоне пассажирского поезда, который вез меня в отдаленный район острова к месту нового назначения. Изредка, словно не веря себе, я ощупывал в кармане солидную пачку денег и направление на пост замглаврача объединения по санитарно-эпидемиологической работе.

Такого предложения я не ожидал: стаж работы у меня небольшой, опыта руководящей работы совсем никакого. Почему же я согласился? Не последнюю роль тут сыграли слова главного врача облздравотдела:

– Район, конечно, тяжелый. Его у нас называют «Сахалин на Сахалине».

После таких слез отказываться было просто неловко. Он бы, наверное, счел меня трусом. Но главную роль сыграло все-таки другое. Это назначение сулило перспективы профессионального взросления и самостоятельного труда, о которых в Москве почти невозможно и мечтать.

Итак, я ехал в душном вагоне и внимательнее, чем прежде, приглядывался к людям – ведь это были сахалинцы, теперь мои земляки.

Люди с мешками, чемоданами, сумками ехали из областного центра домой. Вот тоненькая девушка, почти девочка, в теплом платке и шубке. Платок расprostался по плечам, волосы сбились на одну сторону, лицо пылает румянцем, а глаза все время удивительно меняются: то они восторженные, то задумчивые, то нежно-мечтательные, отрешенные. Она вся в себе. На перроне ее провожал парнишка. В вагоне один солдатик стал было за ней ухаживать, но девочка посмотрела на него как-то просительно-огорченно, и он оставил ее в покое.

Солдатик совсем молодой, стриженный, из-под распахнутого полушубка поблескивают какие-то значки. Видно, он ими ужасно гордится: все время старается распахнуть полы пошире.

Пожилая женщина, в валенках и шерстяной фуфайке. Шубу сняла – запарилась. Удобно прилегла головой на туго набитый рюкзак, привалив ноги к огромному мешку. На лице – забота.

Поезд идет, постукивая на стыках и раскачиваясь на узкой колее. Разговор не клеится. Иногда вспыхнет, коснется чего-нибудь вроде новогодних праздников или погоды и снова затихает. Вдруг я задремал. Проснулся, когда кто-то стал дергать меня за рукав:

– К вашей станции подъезжаем, собирайтесь.

Я простился со спутниками и вышел. Здесь, в тесном зале ожидания, пришлось коротать ночь. Утром я добрался автобусом до аэродрома, а потом долго летел над сопками, большими и маленькими, пока они не сменились тайгой. Казалось, она тянулась до конца горизонта и была похожа на волнистое мохнатое одеяло с большой белой заплаткой, на которую мы и стали снижаться. Сделав круг-другой над снежным полем, самолет приземлился и подкатил к маленькому прилепившемуся у кромки тайги деревянному дому.

Я не без волнения спустился на землю, где мне предстояло провести немало времени. Большинство прилетевших остались дожидаться другого самолета, а я вышел на дорогу. Там стояли сани, запряженные гнедой приземистой лошадежкой, с бахромой сосулков на лохматой морде и заиндевевшими ресницами. Возница, казалось, не обратил на меня ни малейшего внимания, сделал только неопределенный жест в сторону саней и, когда я сел, взмахнул кнутом. Через некоторое время он все же деланно-равнодушно, даже не оборачиваясь, поинтересовался:

– Откуда же будете в наши края?

Я понял, что вопрос относится ко мне:

– Из Москвы.

Возница всем корпусом повернулся и оценивающе осмотрел меня:

– Из самой столицы, значит. И куда, ежели, конечно, не секрет?

– Какой же секрет: работать к вам в больницу.

– Это что ж, хирургом аль как терапевт?

– Да нет, санэпидслужба.

– Это что ж за зверь такая?

– Ну, в общем, это, чтобы в поселке чисто было, эпидемий чтобы не было...

– А, значит по уборным, помойкам и заразе прочей разной, – подвел он итог.

– Вроде этого, – согласился я.

Он же, словно приняв мое немногословие за пренебрежение к тому краю, где мне предстояло жить, разговорился не на шутку:

– Места у нас прекрасные, особенно весной и летом. Утки и другой дичи уйма, ондатра, даже медведи – кого здесь только нет. Вы не охотник?

– Нет, и даже не рыбак.

– Жаль, а то у нас кто не рыбачит, так с ружьишком ходит. Красота здесь! – Он сделал широкий жест рукою.

Я огляделся. Дорога петляла среди тайги. Огромные сосны, кедры, лиственницы запорошены снегом. Среди них сплошной, непроходимой стеной вставал подлесок. Зверю здесь, ясное дело, раздолье. Мы свернули на широкую, наезженную машинами дорогу. Теперь частенько нас обгоняли или шли навстречу МАЗы, КрАЗы, самосвалы, трелевочные тракторы.

– Да, места чудесные, и в то же время не глухомань – жизнь, вижу, кипит. Ну, а люди как?

– Люди?.. – задумался возница. – Разные, как и везде. Одни за этой самой романтикой едут. Только из-под мамкиного крыла – и за острыми ощущениями. А жизнь здесь суровая. Трясет частенько. Цунами на побережье бывают, – почти с гордостью сказал он. – А зимой пурга закрутит – так на несколько дней. Дома с крышами заметает – откапываем потом. Почта не поступает, продукты свежие – тоже. «Романтики» как на это посмотрят, так через год их и след простыл.

– Ну не все же такие.

– Почему все, я не сказал, что все. Но есть. А другие так и поют: «А мы едем, а мы едем за деньгами и не надо нам романтики тайги». От них, конечно, пользы больше – вкальвают на совесть. Но среди них крохоборов много, зимой снега не выпросишь. А есть и такие, которые влюбляются в эти места, и их уже отсюда силком не вытащишь, разве только в отпуск. И строят они здесь для себя, и землю берегут для себя. Вот такие люди в основном и живут. А остальные так – транзит.

Возница хлопнул вожжами и прикрикнул на лошадь. Впереди открылась долина, в центре которой грудились покрытые снегом крыши домов. Над ними вертикально поднимались султаны дыма и, достигнув какой-то невидимой черты, все сразу размазывались и исчезали.

Вскоре мы въехали в поселок. Миновав ряды деревянных одно- и двухэтажных домов, остановились возле низкого П-образного строения.

– Райбольница здесь, – сказал мой спутник. – Вот и приехали.

Я слез, распрощался с возницей, и сани, поскрипывая, укатили.

Главный врач принял меня приветливо. Пока он изучал мое направление, я рассматривал своего нового шефа. Высокий, крепко сложенный, лет сорока пяти, с большой круглой головой и пышной шевелюрой. Лицо уверенного в себе человека, усиливают это впечатление темные большие очки. Движения главного плавны и слегка расслаблены. Кабинет обставлен

тяжелой, самоуверенной, как и его хозяин, мебелью. На стене карта района, границы которого очерчивают почти ровный полуэллипс, опирающийся на Охотское море.

Посмотрев мои документы, Аркадий Ильич удовлетворенно произнес:

– Ну что ж. как будто вес в порядке, а практика, будем считать, – дело наживное. Надеюсь, сработаемся. Как вы насчет этого дела? – внезапно спросил он, щелкнув себя пальцем по шее.

– Средне, – ответил я.

Очевидно, вид у меня был при этом несколько растерянный, потому что Борисов взглянул недоверчиво:

– Будем надеяться... А то здесь недолго и того, особенно без семьи. Как ваш предшественник. Но я это так, в порядке профилактики.

И Борисов повел меня осматривать больницу и знакомиться с коллегами. Вначале он показал мой кабинет – маленькую комнатенку со столом, двумя стульями и сейфом – и пригласил туда моих непосредственных сотрудников. Пять человек, и все женщины.

Познакомившись с ними, пошли дальше. В предоперационной размывался после операции хирург – парень моих лет.

– Вадим Степанович, – представил его Борисов, – ведущий хирург района. Тоже москвич.

– Фомин, – быстро отрекомендовался он, – очень приятно. Где вы разместились?

Я неопределенно пожал плечами.

– Коллега будет пока жить в семнадцатой, – внес ясность главный.

– Так я забегу вечером?

– Буду очень рад, – искренне ответил я.

Часа за два я со всеми познакомился и все посмотрел, включая котельную и дровяной склад. Врачебный персонал почти сплошь молодой, вчерашние выпускники московских, ленинградских, новосибирских и других институтов. Одни приехали по распределению, другие – по собственному желанию.

Наконец мы вошли в маленькую комнату, на двери которой значилось «Дежурный врач» и стоял номер «17».

– Свободных квартир сейчас, к сожалению, нет, так что поживите пока здесь, а там досмотрим. Можно, конечно, на частной квартире устроиться, у нас так многие живут, но осмотритесь – решите сами.

Аркадий Ильич, сославшись на дела, распрощался, а я, оставшись один, оглядел свое неуютное владение.

Комнатенка была кукольная, пять шагов в длину и два с половиной в ширину, заставленная вещами, которые здесь казались излишне громоздкими: больничная койка под серым одеялом, вплотную к ней письменный стол, заваленный какими-то бумагами, огромный шкаф, набитый пыльными связками историй болезни, тумбочка со стулом – занимали почти все свободное пространство. Тесновато, конечно, но все же хоть что-то для начала. Пленник жилищных проблем, я надеялся на лучшее будущее.

Первые месяцы работы давались мне трудно. Надо было подробно уяснить для себя обстановку в районе, в деталях изучить, чем занимаются сотрудники; осмыслить, а может быть, переосмыслить характер работы санэпидотдела. Я должен был интересоваться буквально всем: жилыми домами, общежитиями, детскими учреждениями, заводами, столовыми, магазинами, коммунальными предприятиями и самой больницей; заниматься очисткой территорий, выявлять инфекционных больных и не допускать новых заболеваний. Конечно, все это я должен был делать не один, а вместе со своими сотрудниками, и ясно, что далеко не на пустом месте. Но все же новая работа есть новая работа. И на первых порах не все удавалось. Не очень любезно приняла меня Вера Ивановна, эпидемиолог, исполнявшая до того обязанности замглавного. Передавая дела, сухо и официально перечислила, над чем работает сейчас отдел, с размаху положила ключи от сейфа и кабинета на стол и сразу вышла, громко хлопнув

дверью. Пришлось ее окликнуть и терпеливо разъяснить, что я не хотел ее обидеть, приехав сюда, что ее знания и опыт будут весьма кстати и что мирное сосуществование – залог плодотворной работы. Она сделала вид, что все поняла и в принципе согласна, и, нервным жестом согнав непрошеную слезинку, значительно тише закрыла за собой дверь. Затем пришли молодые симпатичные дезинфекторы Майя и Кира и попросили меня выяснить, почему им не дают молоко за вредность.

Пошел к главному.

– Что там у вас горит? – встретил он меня вопросом.

Я изложил просьбу дезинфекторов, добавив, что они имеют на это право по закону. Главврач удивленно посмотрел на меня:

– И все, в чем вы разобрались за это время?

– Почему? Это только первый вопрос.

– Давайте лучше сразу к делу. Вошли в курс?

– Я просил бы вас сначала рассмотреть первый вопрос, – упрямо сказал я.

Борисов укоризненно и как бы с сожалением посмотрел на меня:

– Не с того начинаете, коллега. В районе эпидемия. Дизентерия. Детские сады наполовину пустуют. На днях с вашего склада, где хранятся средства для дезинфекции, мальчишки несколько шашек препарата стащили и в колодец бросили. Случайно прохожие заметили. Куда ваши дезинфекторы смотрели? О молоке думали?

– Аркадий Ильич, мой предшественник к вам несколько раз обращался, просил починить склад. Я видел его докладные. Склад же от ветра трясется, промокает насквозь, доски гнилые вываливаются. Вы отказали: говорили, нет пиломатериалов. А гараж вон ремонтируют.

Главный резко встал:

– Послушайте, коллега. У меня складывается такое впечатление, что ваш отдел э... несколько распустился, простите за резкость. Смотрят, что у других делается, а у себя под носом ничего не видят. Мне нужна не демагогия, а твердая гарантия, что с вашего склада больше не будут пропадать химикаты. Вы отвечаете за это, а не я. Что сделано конкретно?

Чувствуя, что готов сорваться и надерзить, я медленно, с расстановкой ответил:

– Склад уже отремонтировали мужья Киры и Майи. И железом изнутри обили.

Борисов перестал ходить по кабинету. Сел. Повертел в руках очки.

– Ну, это уже другое дело. Еще что?

– Аркадий Ильич, дезинфекторам положено выдавать молоко.

Борисов досадливо поморщился:

– Ладно, ладно, напишите докладную, я распоряжусь. У вас все?

– Нет, теперь по поводу эпидемии. Меня очень волнует обстановка в районе. Аркадии Ильич усмехнулся.

– Да? Меня она, представьте, тоже волнует. В конце концов, инфекционные больные у меня в больнице лежат. Отделение переполнено. На бюро райкома мне все время этим в глаза тычут. А вот ваш отдел мало что здесь делает. Где данные о контактах дизентерийных больных? Где обследования на бациллоносительство? Нет их.

– Это еще один мой вопрос.

Борисов посмотрел на часы.

– Только быстрее. Мне скоро на исполком ехать.

– Я коротко. При нашем отделе существует бактериологическая лаборатория. Вернее, должна существовать.

– То есть как?

– Есть она только на бумаге. Выявлять контакты дизентерийных больных, делать обследования должна эта лаборатория вместе с эпидемиологом. На деле же лаборатория полностью

работает на больницу. Я пробовал разговаривать на эту тему с заведующей Ольгой Ивановной, вашей женой, однако она посоветовала решать все вопросы с вами.

Борисов встал, подошел к окну, закрыл форточку. Замокнул сейф и спрятал ключ в карман. Затем, собрав все бумаги, сложил их в ящик стола. Выпрямился, пристально посмотрел на меня:

– Вы напрасно подчеркнули, что Ольга Ивановна – моя жена. Это к делу не относится. Больница перегружена больными, наша лаборатория не справляется. Что ж я, по-вашему, должен выписывать больных без анализов? Не надо подходить столь узковедомственно! А теперь – прошу прощения, но мне на исполком.

За следующие дни я исходил поселок вдоль и поперек. Положение было серьезней, чем я предполагал. Особенно настораживал новый микрорайон. Двухэтажные деревянные дома были уже порядком запущены, лестницы грязные. Груды мусора, политые помоями, леденели, превращались сначала в бугры, потом в холмы, а затем в горы. Как говорится, не дай бог, оттепель.

Я пошел в райкомхоз и, составив акт, предложил немедленно начать вывоз мусора из поселка. Заведующий подписал акт, но безнадежно развел руками:

– Рад бы все выполнить, что вы здесь написали, но у меня, голуба моя, людей нет. Там ведь все промерзло насквозь, скалывать надо, а это такой труд, я тебе скажу! Машины сейчас дрова и уголь возят. Опять же люди на этом деле заняты. Так что погоди малость. Будут возможности – сделаем.

Прошла неделя, но ничего не изменилось. Я оштрафовал заведующего райкомхозом и составил новый акт. Опять безрезультатно. Надо было что-то предпринимать посерьезней. Но что?

Как-то вечером ко мне в кабинет зашла Любовь Андреевна, эпидемиолог. В отличие от Веры Ивановны она встретила мое назначение внешне почти безразлично, но я чувствовал, что она внимательно приглядывается, оценивает мои действия. Однако пока оставалась в стороне, ничего не говорила. И вот пришла, свободно, по-хозяйски уселась на стуле, со вкусом закурила и, резанув острым, внимательным взглядом как отрубил:

– Хотите откровенно?

– Безусловно, а как же иначе?

– А можно никак. – Она выпустила из уголка плотно сжатых губ тонкую струйку дыма. – Я почему к вам пришла? Извините, но я не слепая. Вижу, не клеится пока у вас.

– Почему только у меня, а не у нас?

– Верно, у нас, но больше все-таки у вас. Объясню. У нас и до вас не клеилось. Спросите – почему? Да просто наши заботы дальше нас не идут. Глупо, но, как ни странно, так оно и есть. Вот вы за баклабораторию хлопчете. Правильно делаете. Ведь она, по существу, наша. Обидно, что забрали. Я эпидемиолог, она мне вот как нужна. – Она провела ребром ладони по шее. – Может, сама виновата, что так вышло, а может, нет. Что я одна-то могла сделать? Контактных выявить? Очаг локализовать? А дальше что? Очаги-то при такой грязи сами, как микробы, плодятся. Вот вы тронули коммунхоз – ну и что? С директора как с гуся вода. Тут драться надо. А кто будет драться? Я, что ли? У меня все-таки начальство свое есть. Рыпнулась пару-тройку раз и с носом похуже, извините, чем вы, осталась. Не верят в нас, понимаете, не верят! Да и как верить? Ваш предшественник больше спиртиком увлекался. Уважения к нему ни на грош не было. Вера Ивановна человек хороший, но ей до пенсии рукой подать, какой она боец. Вот так все и шло. Так что, если вы, как говорится, хотите всерьез и надолго, так вот вам моя рука.

Через день я вернулся к разговору о лаборатории с Аркадием Ильичом, но, к сожалению, опять безрезультатно. Что делать? Не жаловаться же в область. Правда, я был готов и к этому, но случай помог уладить все гораздо проще и быстрее.

Как-то у дверей своего кабинета я услышал голос Борисова. Шеф явно направлялся ко мне. И тут мелькнула мысль... А почему бы не попробовать? Схватил телефонную трубку, набрал одну цифру, чтобы не было слышно гудка, и сделал вид, что всецело занят разговором:

– Но вы сами поймите, – говорил я, слыша, как отворяется дверь и входит Борисов, – у вас в Южно-Сахалинске все проще, а здесь я такие кадры не найду. Лаборатория простаивает. Этим шутить нельзя! Борисов? Что Борисов? У него своих забот хватает. Так, значит, обещаете помочь? Ну, спасибо... На следующей неделе? Договорились. – Я положил трубку и повернулся. Кабинет был пуст.

Вечером зашла Ольга Ивановна:

– Забирайте нас назад. Главврач распорядился.

– А как же больница? Он говорил, что без нашей лаборатории там не обойтись.

– Незаменимых людей нет, – рассмеялась она. – Так что берите, пока дают.

– Беру, беру, еще как беру, и передайте большое, нет, огромное, спасибо Аркадию Ильичу.

Я пригласил Веру Ивановну и, поделившись с ней радостной новостью, стал развивать планы на ближайшее будущее. Она вначале скептически молчала, затем начала понемногу оттаивать и постепенно увлеклась сама. Мы позвали Любовь Андреевну и допоздна намечали, что надо сделать. С лица Веры Ивановны давно исчезло постное выражение. Оаа раскраснелась, спорила, не соглашалась, предлагала. В конце концов мы все утрясли и, довольные, посмотрели друг на друга.

– А что, у нас так, пожалуй, может что-нибудь получиться! – задумчиво сказала Любовь Андреевна.

– Получится, непременно получится, – подхватила Вера Ивановна, но вдруг виновато поглядела на меня: – Вы не думайте, что я справится с работой не могла или зависть у меня какая. Просто привыкли мы здесь к тому, что было. У самих-то под носом что делается: больница без очистки свою сточную воду в ручей сбрасывает. Если бы сейчас темно не было, вы бы посмотрели.

Мы оделись и вышли, решив посмотреть. Стояла крепкая морозная ночь. Луна, подернутая желтоватой дымкой, тускло освещала дорогу. Миновали больничные постройки и свернули к небольшому овражку. Сюда выходил больничный коллектор, из которого бежал мутный ручей и, пройдя несколько метров, уходил под ледяные наросты, покрытые смрадным паром.

– Сапожники без сапог, – вырвалось у меня.

– Вот-вот, – откликнулась Вера Ивановна, – другим предписания даем, а у самих... – Она махнула рукой.

Следующие недели мои эпидемиологи были загружены до предела – наверху ставили упущенное. К сожалению, не все, далеко не все, выполняли наши предписания. И была на это масса объективных причин. Основная из них – нехватка рабочих рук. Больше всего беспокоила очистка территории поселка и, конечно, больничная канализация. На днях к этому добавился еще рыбозавод. Правда, в полном смысле заводом его назвать было нельзя – так, заводик в два-три цеха. Но продукцию он выдавал. И шла эта продукция в магазины и столовые района. Значит, санитарный режим должен там соблюдаться абсолютный. Но вот как раз он и не соблюдался. Маялся я с этим заводиком долго. Выговаривал директору, штрафовал. Да все без толку. Тогда мы опечатали один цех. Но что значит закрыть один цех? Сразу остановился весь завод – такова здесь технология. Меня сразу вызвали в райисполком, к заведующему одного из отделов. Разговор получился неприятный. Я попытался объяснить, что эта мера вынужденная, другого выхода не было. Тогда заведующий спросил:

– Вы знаете, как снабжается наш район продуктами?

Я ответил утвердительно.

– Тогда вам, конечно, известно, – продолжал он, – что они доставляются самолетами или судами во время навигации. И, значит, вы можете предполагать, в какие деньги это обходится.

– Предполагаю.

– А если знаете и предполагаете, то легко можно усвоить и другое – продукция этого завода входит в общий план снабжения района продуктами питания. Ясно?

Я промолчал.

– Но коль это так, то, закрыв завод, вы лишили все население района рыбы. Ведь фонды нам никто не добавит. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Это все я понимаю, но изменить свое решение не могу, – ответил я.

– Почему?

– Здесь все изложено. Могу оставить копию акта.

Я вынул ее из папки и положил на стол.

– Вы что же, людей актами кормить будете?

– Зачем актами? Там работы на неделю, может, полторы. А рисковать здоровьем людей нельзя.

Заведующий искоса посмотрел на меня:

– Вы знаете, сколько на вашем месте людей работало? Не знаете? А я знаю. В лицо не успевали запомнить. И вас так можно не запомнить.

Тут выдержка мне изменила:

– Не вы меня сюда ставили, не вам и снимать. И не лучше ли, чем заниматься демагогией, распорядиться, чтобы цех побыстрее привели в порядок! Всего хорошего.

Я вышел, оставив заведующего онемевшим и слегка растерянным.

Надо сказать, что этот разговор о рыбозаводе был не последним. Пришлось встречаться и с другими людьми, и повыше рангом. Были звонки и из области. Но я решил стоять, как говорится, насмерть, и в конце концов добился своего. Откуда-то прилетела бригада специалистов и рабочих, доставили оборудование, и через некоторое время цех и завод преобразились.

Это была одна из первых наших побед, оттого казалась она особенно дорогой.

А в основном большими успехами я не мог похвастать. Часто приходилось бросать все дела в райцентре и ездить по району, – например, проводить профилактические осмотры охотников и оленеводов. Однако, хоть работа и прерывалась, я с любопытством москвича отправлялся в поездки. Все-таки практического опыта я набирался в этих рейдах немало, да и просто интересно было. В одну из таких поездок отправились мы под вечер на специальном мотовозе с одним вагоном. Вагон этот – обычная теплушка с сиденьями по бокам и печкой-буржуйкой посередине. В потолке дыра для печной трубы. Вагон страшно качался из стороны в сторону, просто удивительно, как он не падал, особенно на поворотах.

Мы болтали, пытались играть в карты, а потом перешли в мотовоз. Вот отсюда зрелище открывалось великолепное! Черная и густая, как вар, ночь. Мощный прожектор мотовоза высвечивал в ней круглый коридор, яркий до нереальности. Узкоколейка, будто ослепленная и испуганная грохотом и аппетитом мотовоза, который жадно ее заглатывал, билась, изгибалась и стремительно рвалась вперед, в бесконечность ночи. По сторонам сплошной стеной – глухая тайга. Кажется, исчезли свет и грохот, и тайга в союзе с ночью тут же напозет на тебя, засосет, растворит.

Вдруг в освещенном пространстве впереди нас появился один олень, затем сразу несколько. Мы только ахнули от неожиданности. Олени, конечно, вышли из тайги, но казалось, что они возникают в свете просто ниоткуда. Одно мгновение они, ослепленные, смотрели на мотовоз, затем несколькими прыжками вырвались на насыпь и стали медленно переходить путь. Мотовоз затормозил, остановился, давая им дорогу. Но тут показались еще олени, еще и еще. Они скользили по насыпи, толкались, падали. Головные изменили направление и пошли по путям. Широкая серая лента животных потянулась перед нами. Их здесь были многие сотни.

Огромный, теряющийся далеко во мраке лес из колышущихся рогов. Машинист повернулся к нам:

– Ну, все, теперь застряли намертво.

Он пробовал давать сирену, однако только ближние к нам животные испуганно оборачивались на звук, тарасили огромные глаза, но дороги не уступали.

– Их сейчас хоть дави – ничего не поможет, – усмехнулся машинист. – Будем ждать.

Когда через час последние животные вышли из тайги и пошли впереди, нахально показывая нам свои кургузые зады, мотовоз медленно двинулся за ними; только к утру мы добрались до поселка. В основном жители были здоровы, но кое у кого обнаружили хронические болезни. Им раздали лекарства, выписали рецепты, направления на дополнительные исследования. К вечеру осмотр практически закончился. Тогда местный фельдшер повел меня посмотреть, как живут нивхи.

Мы зашли в один из бревенчатых, построенных на среднерусский манер домов. Скуластая, круглолицая хозяйка средних лет, широко улыбаясь, предложила нам табуреты.

– А я к васим тохторам летиться хотила, – ткнула она себя пальцем в круглое бедро. – Вот полело, згло, а тут и сразу перестало. Панку какую-то тали, коворят, масать нато. А засем она мне, если поль ушла? Мозеть, возьмете, труким кому татите?

Я посоветовал ей на всякий случай оставить растирание себе.

– А где же ваш хозяин?

– Тайка. Охота. Тавно усол, узе мноко тней.

Я огляделся. За простым деревянным столом, ловко орудуя ножом, разделявала рыбу круглолицая старуха. На огромной плите большой котел. Разделав рыбу, старуха бросала ее в котел и мешала деревянным черпаком. На меховом наборном коврик сидел, не спуская с нас раскосых черных глаз, малыш лет трех, в простой полотняной рубахе и торбасах.

– А разве вы его в ясли не водите?

– Засем не вотим? Конесно, котим. Но сейтяс тохтора приехали, и мы не посла.

Я вопросительно посмотрел на фельдшера, который, словно бы извиняясь, пояснил:

– Что поделаешь! Бригады к нам каждый год приезжают – пора бы и привыкнуть, а для них это вроде праздника.

Я обратил внимание на фотографию на стене. Молодой нивх в темном костюме, в белой рубашке, при галстук.

– Алексей это, сын нас польсой, – с гордостью объяснила хозяйка. – Фторой курс института в Хапаровске контяет. Утителем путет. Отень он у нас умный. Польсой теловек путет. – Она достала пачку писем. – Вот письма писет. Летом приехать опешал.

Старуха отбросила рыбу, тщательно вытерла руки полотенцем, выбрала из стопки одно письмо, надела очки и, расправив листок на коленях, стала медленно водить пальцем по строчкам. Из глаз-щелок показались слезинки.

– А вы сами работаете? – спросил я хозяйку.

– Конесно, рапотаю, затем не рапотать. На ферме рапотаю, с олесками. – И, предупреждая возможный вопрос, добавила: – Сейтяс не рапотаю – тохтора приехали.

Мы сердечно распрощались с хозяевами, и перед уходом я подарил малышу шариковую авторучку, которую он крепко схватил своими ручонками.

Возвращаясь из таких вот командировок, в которых я чувствовал себя деловым, полезным, необходимым человеком, я особенно остро воспринимал свою беспомощность в райцентре. Методика просьб, уговоров, даже угроз себя не оправдывала. Порою я начинал терять веру в себя и в смысл своих действий. В самом деле, не позакрываешь же все, как цех на рыбозаводе! Иногда хотелось просто плюнуть или выкинуть что-нибудь этакое, после чего ни райкомхоз, ни рыбозавод, ни другие учреждения не могли бы по-прежнему отмахиваться от меня. Вспоминал даже «Цитадель» Кронины и готов был уподобиться Эндрью Мейсону, взорвавшему кана-

лизацию, отравлявшую городской водопровод. Не взорвать ли и мне больничный коллектор? К счастью, до этого я не дошел.

Одну свою идею, правда, осуществил...

В одно субботнее утро в разных, особо неблагополучных местах поселка около гор смерзшегося мусора появились высокие шесты с деревянными щитами. На них ярко, броско написано: «Внимание! Здесь возможный очаг инфекции! Виновный – райкомхоз!» И так везде, с вариациями текста, с указанием виновных.

Около щитов останавливались люди, читали, сначала смеялись, а потом задумывались, соглашались. Субботу и воскресенье – нерабочие дни – щиты простояли нетронутыми. В понедельник они исчезли. Но во вторник утром появились опять и простояли до полудня. В среду тоже. В больнице на меня стали поглядывать с любопытством. Атмосфера накалялась. В четверг Борисов объявил, что меня вызывают на бюро райкома партии, и ядовито добавил, чтобы я подготовил достаточно убедительную аргументацию для объяснения своей партизанщины. Потом сухо зато сказал:

– Я пытаюсь вашими глазами взглянуть на все. У вас впечатления-то свежие. И что же получается? Приезжаете вы, столичный житель, к нам, на глухую, глуше не бывает, периферию. И видите – грязь кругом, канализации нет, помойки не убираются... И вы во многом правы. Но все-таки старайтесь подходить к тому или иному вопросу с пониманием, а не только с блокнотом для актов и предписаний. Вам надо стать не судьей, а участником общего дела. – Он потянулся рукой к моей пачке и вынул сигарету. – Приму грех на душу. Два года не курю, а вот потянуло. Да с вами не только закуришь, а и запьешь, пожалуй. – С удовольствием затянувшись, продолжил: – А ведь, когда я сюда приехал, что здесь творилось! И дизентерия была, и брюшной тиф. Дома черт знает какие. Больницы практически не было – так, барак с койками и два врача. А теперь, не для хвастовства скажу, больница наша одной из лучших в области считается. Вот только канализация подвела. Но ничего, исправим. Смотрите, вскрывайте недостатки, без этого нам нельзя. Но только не будьте посторонним, не увлекайтесь администрированием. Может, этот поселок для вас на долгие годы родным станет. Поэтому и относитесь ко всему, как в своей собственной семье, в своем хозяйстве...

Потом я долго раздумывал над словами главного и постепенно пришел к мысли, что он прав. Нельзя было ограничиваться в работе только узковедомственными рамками. Поселок небольшой, все люди на виду, знакомы друг с другом. Надо вливаться в эту большую семью: не только поучать, но и помогать. Может, тогда стану не занудливым и мешающим другим «штрафователем», а по-настоящему нужным человеком.

Для подготовки доклада на бюро райкома пришлось еще раз встретиться и побеседовать со всеми людьми, затронутыми в материалах, переданных мною Воропаеву, первому секретарю райкома. Было расписано все, что должны сделать организации, начиная от районных и кончая главками и министерствами. К докладу были приложены проекты писем, сообщений и ходатайств в разные инстанции.

Заседание бюро райкома проводилось расширенное. На него были приглашены почти все члены райисполкома, ответственные работники районных организаций.

Выслушав мой доклад и просмотрев все приложенные материалы, Воропаев сказал:

– Вопросы к докладчику есть?

Поднялся маленький сухой старичок – заместитель директора райкомхоза:

– Молодой человек, видимо, забывает, что здесь не Москва. Теплых туалетов у нас, к сожалению, нет, а помойки – что ж, они на морозе, бывает, и льдом покрываются. На то и мороз.

Воропаев прервал его:

– Товарищ Седой, я спросил, есть ли вопросы?

– Извините. – Старичок сел.

– Так есть вопросы?

Все молчали. Из задних рядов кто-то бросил: «Да все ясно. Нет вопросов». Андрей Игнатьевич тяжело оглядел собравшихся:

– Так, значит, вопросов нет. Ну и правильно, какие могут быть здесь вопросы. Верно же все сказано. – И вдруг взорвался: – А я вас всех спрашиваю: неужели для того, чтобы вам это здесь все рассказать, должен был приехать сюда товарищ из Москвы? У нас у всех, что, глаз не было? И мне стыдно сейчас все это слушать. За вас, за себя стыдно. Если хотите, стыдно перед новым человеком. Мы здесь за эти два-три года столько всего сделали и, извините, дерьмо вывезти не можем. И вам, Аркадий Ильич, стыдно в первую очередь. Главный врач района. Куда вы смотрели? Мало того, какую-то клоаку вокруг больницы развели. Короче, райкомхозу даю срок три дня. Если за это время поселок не очистите, разговор другой будет, предупреждаю.

– Да у нас, Андрей Игнатьевич, машин и людей нет.

– Людей дадим. Машин сколько надо?

– Хотя бы штуки три и бульдозеров пару.

Воропаев посмотрел на директора лесозавода:

– Павел Спиридонович, выручишь коммунхоз техникой?

– Придется, – вздохнул тот и добавил: – Как всегда.

– Ну, вот так, на этом точка. И чтобы мы больше к этому вопросу не возвращались.

Теперь больница. Доложите, товарищ Борисов.

– Вы же знаете, Андрей Игнатьевич, – встал Борисов, – этот вопрос с бородой. Денег, денег, нам, к сожалению, не дают.

– Вы что, разве не слышали проект письма, который нам зачитал Ваш зам.?

– Слышал.

– Не согласны с ним?

– Согласен, только мы таких писем уже сколько писали.

– Еще одно напишете. К тому же, к письмам надо ноги приделывать. Вот это мы вместе с вами и сделаем. Через два месяца, записываю, доложите мне, как идут дела.

Через три дня после заседания бюро райкома все изменилось, территория поселка была очищена. А еще через некоторое время Борисов на общем собрании в больнице сообщил, что медобъединению выделены средства на строительство больничных очистных сооружений.

Выходило, что зря я столько времени бился, мучился, что всего этого можно было добиться гораздо раньше. И в самом деле, почему я не обратился к Воропаеву сразу же? Ведь не раз слышал отзывы о нем как о внимательном руководителе. Нет, тянул... Были ведь мысли попросить помощи в райкоме партии, были! А все-таки не пошел. И сейчас, когда проблемы многих месяцев разрешились в течение дней, максимум – недель, я, кроме радости, испытывал некоторую толику огорчения. Что-то вроде ущемленного тщеславия угнетало меня: значит, сам бы я ничего не добился? Да годен ли я вообще для того дела, за которое взялся? Не лучше ли было остаться в Южно-Сахалинске или другом городе, не забираться в этот «Сахалин на Сахалине», сидеть в поликлинике, ничем не рисковать, не думать о помойках, очистных сооружениях, о контактах дизентерийных больных...

Мучимый противоречивыми чувствами, я начинал почти презирать себя. А может, напрасно? Может, и не было ничего стыдного в моих попытках самоутверждения? Может, я просто избавлялся от затянувшейся инфантильности, свойственной многим моим ровесникам? Пытался повзрослеть, приближаясь к третьему десятку? Что же, лучше поздно, чем никогда.

А за окном набирала силу весна, которая здесь начиналась словно бы исподтишка, украдкой...

Приближались майские праздники. Подготовка к ним шла полным ходом. Но почему-то именно в этой веселой и деловитой суете я стал чувствовать себя еще более одиноким, несмотря на несколько праздничных приглашений. Я был лишним среди жен, мужей и детей, приглашенным разве только из чувства солидарности. Может быть, я ошибался, но одинокий мужчина, затерявшийся среди супружеских пар на празднике, представлялся мне если не жалким, то смешным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.